

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

1992

Издается с января 1958 года

*При содействии Российского Международного
фонда культуры*

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е.С. Калмановский. Реальное и воображаемое. Из наблюдений над русской поэзией 1840—1850-х годов	3
Е.А. Краснощекова (США). «Фрегат „Паллада“»: «путешествие» как жанр (Н.М. Карамзин и И.А. Гончаров)	12
Уильям М. Тодд, III (США). «Братья Карамазовы» и поэтика сериализации	32
Л.К. Чурсина. О художественной структуре поэмы Андрея Белого «Первое свидание»	39

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В.Э. Вацуру. К изучению лицейской лирики Пушкина (из работ над академическим собранием сочинений Пушкина)	59
Письма Н.Л. Батюшкова к К.Н. Батюшкову (публикация Р.М. Лазарчук)	72
В.А. Мысляков. Писемский о Гоголе	81
Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (продолжение) (публикация и примечания И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского)	92

«НАУКА»

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.А. ФЕДИНА

В.В. Перхин. Дневники К.А. Федина 1920—1921 годов и его книга «Горький среди нас»	134
К.А. Федин. Из трех петроградских дневников 1920—1921 годов (публикация Н.К. Феединой и В.В. Перхина, комментарии В.В. Перхина)	139
Художник и общество (неопубликованные дневники К. Федина 20—30-х годов) (публикация Н.К. Феединой, Н.А. Сломовой, примечания А.Н. Старкова)	164

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Н.Н. Петрунина. К творческой истории поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»	182
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.А. Алексеев. Св. Писание как памятник древнерусской письменности	202
М.Ю. Коренева, Р.Ю. Данилевский. Чеховский симпозиум	213
А.Г. Григорьев. Новый мандельштамовский сборник	216
Н. Салма (Венгрия). О книге венгерской исследовательницы Лены Силард «Теория карнавализации. От Вяч. Иванова до М. Бахтина»	220

ХРОНИКА

А.О. Львовский. Памяти академика М.П. Алексеева	224
Н.А. Хохлова. Пятое научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	226
А.В. Федорова, Ю.С. Гуськов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова	229
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 1992 году	234

Редакционная коллегия:

Н.Н. СКАТОВ (и.о. главного редактора),
В.Н. БАСКАКОВ, Г.Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), *А.А. ГОРЕЛОВ,*
Г.А. ГОРЫШИН, В.Я. ГРЕЧНЕВ, Н.А. ГРОЗНОВА, [Л.А. ДМИТРИЕВ], Б.Ф. ЕГОРОВ,
А.И. ПАВЛОВСКИЙ, А.М. ПАНЧЕНКО, В.А. ТУНИМАНОВ, С.А. ФОМИЧЕВ,
Г.М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

© Издательство «Наука», «Русская литература», 1992 г.

ПЕРЕПИСКА Л. И. ШЕСТОВА С А. М. РЕМИЗОВЫМ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И ПРИМЕЧАНИЯ И. Ф. ДАНИЛОВОЙ
И А. А. ДАНИЛЕВСКОГО)

(Продолжение)*

46

Corpet
(Lac Leman)
1910 9/22 окт(ября)

Наконец-то получил твое письмо. Я, правда, и сам виноват — долго не писал. Но ты все слонялся, квартиры менял¹ — куда писать было. А мне даже нужно было к тебе — куча самых разных, правда маленьких, делишек. Но прежде поздравлю тебя с успехом твоих «Крестовых Сестер». Видел я в «Речи»³ и в «Р(усских) В(едомост)ях»⁴ — страсть хвалят. Верно и другие газеты не отстают. Но тут же и попеняю тебе: отчего не прислал мне экземпляра? Знаешь, ведь, что я здесь отрезан и русских книг не могу достать. Или «Шиповник» не дал оттисков? Если можно, непременно пришли и поскорей. Слава Богу, что здоровье поправилось⁵ и что «Шип(овник)» издавать тебя будет.⁶ Я так думаю, что после успеха «Крестовых Сестер» куда лучше и легче у тебя с издателями будет.

Ну а теперь поручения. Исполнишь?

Первое дело — ты ходишь в «Шиповник», узнай, что они там с печатанием моих книг так тянут. Давно написали, что книги сданы в типографию, а корректур нет. Разузнай обо всем подробно и напиши мне.

Второе: «Шиповник» издает, как ты знаешь, собрание моих сочинений.⁷ 3го и 5го томов еще есть экземпляры. Нужно печата(ть) 1, 2, 4 и 6^й. Так вот на 2^й, 4 и 6^й томы я материал ему послал, а на 1^й («Шексп(ир) и его крит(ик) Бранд(ес)») не послал. Мне жаль моего экземпляра. А они пишут, что негде в П(етербург)е достать. Я просил их купить за мой счет. Но, если им не удастся достать, отдай им *свой*.⁸ Я тебе верну в издании «Шиповника» — все 6 томов получишь. Хорошо?

Третье: Послал я недели уже три тому назад в «Речь» статью о Джемсе.⁹ Ее все не печатают. Может спросишь Левина,¹⁰ в чем тут дело. А главное, нужно все равно тебе пойти к Левину, узнать принята ли статья Лун(д)берга.¹¹ Лун(д)бергу деньги до зарезу нужны. Если статья принята — упроси Левина устроить так, чтоб аванс ему (Лундбергу) выслали, хотя бы рублей 50 (статья большая). А то он здесь так изводится безденежьем, что смотреть жалко. И без того, тюрьма ему здоровье совсем рас(с)троила, а тут постоянные заботы о деньгах. Непременно это сделай и не откладывай. Левина проси и от себя, и от меня. Может он что сделает.

И еще — последнее — Лун(д)берг послал небольшую повесть Щепкиной-Куперник¹² с просьбой пристроить. Я тоже ей о нем письмо написал — но письмо (—) это не то, что личные разговоры. Вот если бы ты с ней повидался! Возможно. И вообще, подумай, что можешь сделать в смысле помещения произведений Лундберга в каких-либо изданиях, либо насчет переводов. Ему необходимо здесь подольше пожить, а то он совсем пропадет. Но без заработков невозможно — особенно такому ч(елове)ку, как он; он так убивается, что никакие Швейцарии ему впрок не пойдут.

Когда будешь себе у Денара¹³ мою карточку заказывать, закажи и для меня одну. Если мне понравится, я ему несколько еще закажу.

Кажется все. Ты уже не сердись, что столько поручений. Больше не буду — но на этот раз постарайся сделать все, о чем просил, и как можно скорее. Сделаешь?

Вот поручения кончены. А так о себе писать нечего. Знаешь сам, какая моя жизнь. Знакомых тут нет¹⁴ — так читаю, хожу, все в таком роде. Года через два, три может и книжку выхожу.

Всего тебе хорошего. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

* Начало см.: Русская литература. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 158—197.

¹ Весной 1910 года у Ремизова открылась язва желудка, и ему пришлось провести весь июнь (с 1 по 30 июня) в санатории М.М. Волковой в Финляндии (в деревне Тур-Киля под Уси-Кирко). С 10-го по 24 июля Ремизов находился в имении своего знакомого, известного литературного критика и историка литературы Евгения Васильевича Аничкова (1866—1937) Жданы (Боровичского уезда Новгородской губернии); а затем — с 30 июля по 20 августа — гостил у Р.В. Иванова-Разумника на островах Нагу и Вандрок (Аландский архипелаг, Финляндия). 5—14 сентября писатель был в Москве. См. об этом: *Ремизов А.М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 14.

² Имеется в виду повесть Ремизова, опубликованная книгоиздательством «Шиповник» (см.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1910. Кн. 13. С. 159—297). Впоследствии вошла в пятый том издаваемых «Шиповником» «Сочинений» Ремизова (СПб., [1911]). Отдельным изданием «Крестовые сестры» были опубликованы в Москве в 1918 году.

³ Подразумевается рецензия К.И. Чуковского на повесть Ремизова «Крестовые сестры». См.: *Чуковский К.И.* Для чего мы живем // Речь. 1910. 26 сент. (9 окт.). № 264. С. 2—3.

⁴ Имеется в виду статья Р.В. Иванова-Разумника «Бурков двор. (О новой повести Алексея Ремизова: «Крестовые сестры»)» (Русские ведомости. 1910. 17 сент. № 213. С. 2—3). В письмах к Ремизову от 22 августа, 5, 13, 23 и 26 сентября 1910 года (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 23—30) Иванов-Разумник также развивает основные мотивы своей статьи.

⁵ Подразумевается обострение язвы желудка у Ремизова весной 1910 года.

⁶ Имеются в виду «Сочинения» Ремизова в восьми томах, издававшиеся «Шиповником» в 1910—1912-м годах. Последний (восьмой) том выпущен в 1912 году издательством «Сирин».

⁷ Речь идет о полном собрании сочинений Шестова в шести томах, вышедшем в издательстве «Шиповник» в 1911 году. См. прим. 3 к п. 45.

⁸ Подчеркнуто Шестовым.

⁹ Статья была опубликована несколько позднее. См.: *Шестов Л.* Логика религиозного творчества. (Памяти Виллиама Джемса) // Речь. 1910. 30 окт. (12 нояб.). № 298. С. 3; 1 (14) нояб. № 300. С. 3. Впоследствии вошла в книгу Шестова «Великие кануны» (*Шестов Л.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 6. С. 291—314). Джемс Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ-идеалист, крупнейший представитель прагматизма. В начале 1910 года в Москве издательством журнала «Русская мысль» было выпущено в свет сочинение Джемса «Многообразие религиозного опыта» (1902) в переводе В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шика, под редакцией С.В. Лурье, что также, наряду со смертью американского философа, послужило стимулом для обращения Шестова к его творчеству.

¹⁰ Д.А. Левин. См. прим. 14 и 15 к п. 16.

¹¹ Очевидно, речь идет о статье «Как зарождаются секты?». См.: *Лундберг Г.* [Лундберг Е.Г.]. Как зарождаются секты? // Речь. 1910. 28 нояб. (11 дек.). № 327. С. 3.

¹² Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — поэтесса, драматург, прозаик, переводчик.

¹³ Имеется в виду фотоателье «Денар» (Петербург; Б. Морская ул., 11); владелец — Борис Исаакович Завелев.

¹⁴ Для этого потребовалось три года. Только в 1913 году Шестов начал работу над своей новой книгой «Sola Fide — Только верую».

Наконец-то получил твое письмо. Думал, что, может быть, мои не доходили до тебя — адрес перепутал или что-нибудь в таком роде. Спасибо, что все-таки поговорил с «Шиповником». Правда, они и до сих пор очень тянут — ну, да ты тут, верно, ничего поделать не можешь.

Спасибо и за книги: обе получил, и «Альманах»,¹ и 1^й том сочинений.² О «Крест(овых) Сестрах» скажу тебе, что почти присоединяюсь к мнению Иванова-Разумника.³ Они, несомненно, удались тебе. Очень сильно задуманы и местами, хотя не везде ровно, мысль так же сильно выражена. Но, к сожалению, все-таки не везде ровно. По-моему «Сестры» выгадали бы, если бы были написаны более сжато. Потом невыгодное впечатление производят два обстоятельство: во 1^х генеральша,⁴ а во 2^х смешение стилей. Правда, большой публике генеральша, вероятно, очень понравится. Поймут, как протест против паразитизма высших классов общества. И, собственно говоря, я против такого протеста ничего не имею — мне кажется только, что именно в «Крестовых Сестрах»

он неуместен. Ведь задумана-то повесть *Sub specie aeternitatis*,⁵ а тут генеральша, даже если бы ее вдвое от здоровья распирало бы,⁶ такое же слабое и немощное существо, как и все попираемые Верочки.⁷ Ты⁸ не должен был бы давать своим читателям такого исхода для накопившегося в них сомнения. А то генеральша у тебя вроде предохранительного клапана, чтобы взрыву не было. Как же, чтобы не было взрыву, когда вся-то вещь для взрыва написана? Генеральша делает «Кр(естовых) Сест(ер)» понятными, а разве они должны быть понятными? Они, ведь, вроде как твои же «Сны»⁹ должны быть совсем непонятными. Ибо, как ты говоришь, здесь всегда жизнь наряду со смертью. Другой не разберет может, что я говорю — но тебе объяснять, верно, больше не нужно.

Теперь насчет смешения стилей. У тебя русский, даже замоскворецкий порой стиль, чередуется с общеинтеллигентским. По-моему, это не совсем хорошо. Правда, интеллигентский стиль трудно искоренить — одним замоскворецким всего не расскажешь. И, как тут быть, я уже и сам не знаю — но, знаю, что получается некоторое неудовлетворение. Вероятно, если Бог даст тебе веку, ты как-нибудь выпутаешься из этой трудности. Во всяком случае, поздравляю тебя и с удачной вещью, и с успехом, выпавшим на твою долю.¹⁰ И Левин, и Разумник¹¹ писали мне, что сейчас повсюду пишут и разговаривают о тебе! Слава Богу! И материальные дела поправились, вероятно, даже очень. «Шиповник» хотя тянет печатание, но деньги шлет исправно. А у тебя, верно, и то, и другое в исправности. И «Сестры» напечатаны, и I^н том вышел за короткое время. Чего еще?

Как здоровье? Поправляешься? У нас здесь все по-старому. Вот только с Евг(ением) Герм(ановичем)¹² — трудно. За все время только и добился, что из «Речи» 40 рублей выслали — аванс под еще ненапечатанную статью. Левин обещал стараться. Он послал в «Русские В(едомост)и» свои тюремные записки.¹³ Я просил Игнатова¹⁴ поторопиться с ответом. Теперь ждем.

У меня болела рука.¹⁵ Я ее лечил — но ничего не вышло — хуже стало. Теперь прибавилась нога — собираюсь лечить, верно тоже хуже станет. Но, я к этому привык. Ничего(?), опять Спинозу¹⁶ и Писание почитываю, добиваюсь «мудрости» хоть предпоследней. Только такое у меня чувство, что мудрецы мудрость про себя держали, а людям только поучения оставляли. То же и Толстой: Вот весь мир в него глазами впивался. А он свою тайну с собой унес. Поди, теперь, допрашивай его писания!.. Я вот иногда думаю, что это не случайно. Верно, того хочет Бог. Тайну нужно обтянуть — вроде как тело кожей обтягивается — мудростью, тогда выходит интересно и поучительно и полезно. А если кто, по наивности, так просто хочет тайну на показ выставить — выходит ободранное тело! И потому, все равно, какая мудрость — Декарта,¹⁷ Толстого, Платона,¹⁸ Спинозы или Бл(аженного) Августина,¹⁹ главное только, чтобы была белая да гладкая, да плотно закрывала бы собой тайну. Может Толстой теперь это знает доподлинно? Пора, ведь. Ну, будет философствовать — а то ты еще сердиться станешь, если почему-нибудь не подойдет.

Всего тебе хорошего. Привет Серафиме Павловне. Ты напиши о себе подробно, как дела, как здоровье.

Видишь, какое длинное письмо я тебе написал.

Твой ЛШ

¹ См. прим. 2 к п. 46.

² См.: Ремизов А. Сочинения. СПб., 1910. Т. 1; «Рассказы».

³ См. прим. 4 к п. 46. См. также: Иванов-Разумник. Между «Святой Русью» и обезьяной. (Творчество Алексея Ремизова) // Речь. 1910. 11 (24) окт. № 279. С. 2—3.

⁴ Имеется в виду персонаж повести «Крестовые сестры» генеральша Холмогорова.

⁵ С точки зрения вечности (лат.).

⁶ Имеется в виду следующий пассаж в «Крестовых сестрах»: «Холмогорову генеральшу (...) всякий видел и все очень хорошо знали, что процентов одних ей до ее смерти хватит, а проживет она еще с полсотни — крепкая и живая, всех переживет или, по словам хироманта, конца жизни ей не видно, (...) и не стареет, а все в одном положении (...)» (цит. по: Ремизов А. М. Избранное. М., 1978. С. 210).

⁷ Подразумеваются персонажи повести «Крестовые сестры»: курсистка-медичка Вера Кликачева; ученица театрального училища, а затем проститутка Вера Вехорева; девочка-подросток Верушка. Подробнее о функции женских образов в «Крестовых сестрах» см.: Тырышкина Е. В. Поэтика романа А. М.

Ремизова «Крестовые сестры». (Мифологический аспект): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Томск, 1991. С. 11—15.

⁸ Подчеркнуто Шестовым.

⁹ См. прим. 6 к п. 34.

¹⁰ Ср. мнение о повести жившего в этот период в Коппе и ежедневно общавшегося с Львом Шестовым Е.Г. Лундберга, которое он высказал Ремизову в недатированном письме конца 1910 года: «Ну, Ал(ексей) Мих(айлович), можно «Сестрах» писать? Конечно, это замечат(ельная) вещь, и я рад и ей, и Вашему устройению литерат(урному), и Вашей „славе“. Но чего-то и печально: точно было лучше, когда Вы мучились без спичек и электричества, когда ни Разумник, ни Чуковский не гремели о Вас. Чего в этом жалко — не знаю. Смутно. Знаю, что Вы все тот же, но, видно, для таких Ваших „друзей“, к(а)к я — безизвестность Ваша чем-то мила. А „сестры“ мне понравились, что все приподнято над землею — висит в воздухе — справляйся! Нравится повторение: „одному нужно убить, другому и т(ак) д(алее)“ — повторение — ибо эта *уверенность* не всегда с человеком, а уходит и приходит вновь, т(ак), к(а)к у Вас показано. Хотя последние страницы не нравятся, слишком „сделаны“ — но крепко и хорошо поразило, что Маракулина выбрасывает из окна — наплыв радости, жизнерадости — его *первоначальной*. Это очень значительно. Генеральша — невыносимо груба (не сердитесь?) и все портит, но хороша и Верочка — та, безумная. И что-то в „Пруде“ столь мало совершенном ближе сердцу было, чем это почти совершенное произведение. Здесь перегружено бытом, деталями (конечно они мастерские), но они портят рисунок (в «Пруде» к(а)к раз рисунок рвался) — *замедляют*. Досада при чтении, задыхаешься (но не «по-хорошему задыхаешься») от них. Кое-кто из моих друзей, живущих за границей сейчас, знающих, что я Вас люблю и знаю, прислали мне отзывы — все радостные и настоящие. Ну, будет об этом. М(ожет) б(ыть) и не следовало писать» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 2-2, об.).

¹¹ Д.А. Левин и Р.В. Иванов-Разумник.

¹² Е.Г. Лундберг.

¹³ Имеется в виду очерк Е.Г. Лундберга «Монастырь», написанный в ноябре 1910 года на автобиографическом материале (см. прим. 4 к п. 41). Вскоре был опубликован. См.: Русские ведомости. 1911. 6 янв. № 4. С. 4.

¹⁴ Игнатов Илья Николаевич (1858—1921) — журналист, публицист, литературный критик. Автор критической статьи о повести Ремизова «Пятая язва» (см.: *Игнатов И.* Литературные отголоски. (Ф. Сологуб «Заложники жизни». — Алексей Ремизов «Пятая язва») // Русские ведомости. 1912. 31 окт. № 251. С. 2). Впоследствии Ремизов вспоминал об Игнатове: «Редактор „Русских Ведомостей“ или замещающий редактора И.Н. Игнатов, двоюродный брат М.М. Пришвина, от Пришвина я знаю о Игнатове. В семье Игнатова воспитывался сын Л. Шестова, что соединяло С.В. Лурье с Игнатовым» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 29).

¹⁵ В связи с болезнью руки Шестов ездил в июле 1910 года лечиться на швейцарский курорт Баден. Подробнее об этом см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 111.

¹⁶ См. прим. 6 к п. 26.

¹⁷ Декарт Рене (1596—1650) — французский философ и математик, представитель классического рационализма. Осенью 1918 года Шестов читал в народном университете в Киеве курс «Основные философские проблемы в историческом освещении. (От Платона до Декарта)» (см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 166). Летом 1922 года Шестов написал статью «Сыны и пасынки времени. Декарт и Спиноза», опубликованную затем во французском переводе в журнале «Mercure de France» в 1923 году.

¹⁸ См. прим. 11 к п. 26.

¹⁹ Августин Аврелий (354—430) — христианский теолог и церковный деятель, представитель западной патристики; воззрения Августина — один из источников схоластики.

Долго не было письма от тебя — наконец, пришло, но — ничего хорошего в нем. Мне казалось почему-то, что и здоровье твое улучшилось и дела поправились. А выходит, по твоему письму, что и здоровье плохое, да и дела неважные. Неужели успех «Крестовых Сестер» ничего тебе не дал? А как сочинения идут? Пока два тома вышло¹ — а остальные скоро выйдут. С «Шиповником» — беда: все тянут и тянут: со мной вот 1го марта год кончится, как условие заключили,² а еще до сих пор ничего

не вышло. У тебя все же много быстрее: 2 тома напечатаны.

Что касается лета, то, по-моему, раз доктора советуют тебе — поезжай³ в Цопот.³ Я, правда, сам там никогда не был, но сестра моя (Ел(изавета) Ис(ааковна))⁴ вот уже два или три лета постоянно проводит в Цопоте. Вероятно, она и в этом году туда поедет. Если хочешь, я ее спрошу подробно обо всем, что может тебя интересовать. Она знает, как там можно устроиться. Главное, дорога туда недорого стоит, да и жизнь там вообще дешевая — много дешевле, чем в русских курортах.

У Лун(д)берга все по-старому. Живет он уже в Женеве и там лучше себя чувствует. Собирается лекции слушать в университете. Много пишет — много готового⁵ есть, но некуда деваться с рассказами. «Р(усской) Мыслью» Брюсов завладел всецело:⁵ у него свои пойдут. А больше куда? «Речь»⁶ политикой занимается, «Русск(ие) Вед(омости)»⁷ печатают гомеопатическими дозами, а «К(иевские) Вести»⁸ денег не платят. Таковы дела литературские!

Всего хорошего тебе — пиши почаще и подробнее, а то очень уже долго ждать писем и мало узнаешь из них. Поклон Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Имеются в виду т. 1 и 2 «Сочинений» Ремизова, выпущенные издательством «Шиповник» в 1910 году.²

² См. прим. 3 к п. 45.

³ Курорт на берегу Данцигского залива в Балтийском море (северо-восток Германии).

⁴ Е. И. Мандельберг. См. прим. 2 к п. 10.

⁵ Подразумевается руководство В. Я. Брюсова литературным отделом «Русской мысли» с конца 1909 года по апрель 1912 года. См. об этом: *Никитина М. А.* «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 38—39.

⁶ См. прим. 12 к п. 38.

⁷ См. прим. 3 к п. 16.

⁸ «Киевские вести» — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета. Выходила в Киеве в 1907—1911-м годах. Редакторы: Н. Е. Любинецкая, В. С. Семяновский и др. Издатели: С. Г. Слюсаревский, И. В. Иванов, В. С. Капустин.

49

(12.V.1911)¹

Ну, брат, и поразил ты меня. Как это ты в Париж попал?² Зачем? И надолго? Напиши обо всем обстоятельно. И о здоровье своем черкни.

Сообщаю тебе на всякий случай (может не знаешь) адрес Софьи Григорьевны Балах(овской)-Пти:³ Rue Alboni, 6 (возле Трокадеро). Сходи непременно к ней, она тебе в Париже будет очень полезна — она ведь здесь давно живет, познакомит с кем нужно, поможет сама или через знакомых устроиться.

С Берлинскими книготорговлями у меня сношений нет — но все-таки может удастся достать твою книгу.⁴ Не знаешь ли, какой издатель ее выпустил — если бы знать это, легче было бы достать.

Всего хорошего. Привет Серафиме Павловне. Непременно напиши обо всем подробно.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Коппе в Париж, где в этот период находились Ремизовы, по адресу: Hôtel de l'Univers № 34. Paris (France) Rue Monsieur le Prince, 63. В левом верхнем углу карандашная помета Ремизова о получении письма: 13 V.

² Весной и летом 1911 года Ремизовы предприняли заграничное путешествие. С 22 апреля (5 мая) по 22 июня (4 июля) они находились в Париже, где жили на Boulevard St. Michel (Hôtel des Américains, 133, № 10), а затем на Rue Monsieur le Prince, 63 (Hôtel de l'Univers, № 34). С 22 июня (5 июля) по 4 (17) июля жили в Версале (см.: *Ремизов А. М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15).

³ См. прим. 3 к п. 13.

⁴ Речь идет об авторизованном переводе повести Ремизова «Крестовые сестры» на немецкий язык, который был выполнен Ф. Фриш и вышел в свет только в 1913 году (см.: *Remisow A. Die Schwestern im Kreuz. München und Leipzig: Georg Müller Verlag, 1913*). Повести было предпослано предисловие проф. Е. В. Аничкова на немецком языке (*Ibid.* S. VII—XXIII), помеченное 1912-м годом. Черновик этого предисловия (на русском языке), предположительно относящийся к 1911 году, сохранился в фонде Б. Ф. Лаврова в РО ГПБ (см.: ГПБ. Ф. 414. Ед. хр. 15. Л. 1—6).

50

(2.VI.1911)¹

Прости, Алексей Михайлович, что до сих пор на письмо не ответил. Чувствовал себя все время отвратительно. Решил опять прошлогоднее лечение повторить — сегодня еду в Баден (подле Цюриха).² Авось прок будет. Напиши уже туда, как твое здоровье, по-прежнему ли ты доволен Парижем. Адрес мой: Baden (bei Zürich), Schweiz, poste-restante. Оттуда уже, как-нибудь, и я подробней напишу, хотя — и то сказать — ей Богу, совсем писать не о чем.... Не про политику же и литературу писать. Всего хорошего. Привет Серафиме Павловне. Черкни же хоть несколько слов про здоровье.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Коппе в Париж по адресу: Hôtel de l'Univers. Paris. Rue Monsieur le Prince 63.

² Ср. прим. 15 к п. 47.

51

Baden bei Zürich
Hôtel z(um) Bären. 13/VI (1911)

Наконец-то пришло письмо от тебя. Я беспокоился, не случилось ли чего — собирался второй раз писать. По-моему, ты, хоть и нравишься тебе в Париже, совсем напрасно там долго засиживаешься. Нужно бы тебе лучше полечиться — ведь опять предстоит тебе петербург(т)ская зима! Какие купанья тебе рекомендовали — морские? Ты писал, что тебя в Цоппот посылали.¹ Туда, правда, рано, пожалуй — но ведь можно и в другом месте покупаться. А то жаль — опять будешь зимой мучиться.

Про себя нечего рассказывать. В лечении что-то проку немного. Рука как будто хуже. Все обнадеживают, что после скажется. В прошлом году не очень сказалося. Ну, да слава Богу, не долго здесь сидеть. В будущую пятницу кончаю и опять в Соррет. У нас с тобой вкусы разные: тебе город нравится,² а мне — деревня. Здесь окрестности тоже чудесные — такие луга, такие леса, какие только в Швейцарии бывают. И река прелестная. Но, сам Баден построился у источников, в яме — и в городе противно.

Хотел я с тобой о Лунд(д)берге побеседовать. Он совсем пропадает тут. Нужно бы ему как-нибудь помочь пристроиться при газете или где-нибудь. До сих пор все-таки еще было сравнительно ничего — хотя здоровье у него всегда неважное было, но держался. А теперь, после плеврита — совсем плохо стало. Лечиться нужно — а денег нет. Я вот и хотел просить тебя насесть на «Шиповник», не возьмет ли он повесть у Лунд(д)берга для альманаха.³ Это и денег бы дало, и бодрости. Вперед знаю, что «Шиповн(ик)» сразу не согласится. Когда я в прошлом году убеждал его хоть одну твою книж(к)у взять — ни за что не соглашался. Ну, а ведь теперь как печатает — и не жалеет! Ты же ему еще оказался полезным. Вот я думаю, если мы втроем — ты, я, да Р(азумник) В(асильевич)⁴ насядем — что-нибудь да выйдет. Вы там на месте — вам легче, чем мне. Но, и я письмами постараюсь действовать. Р(азумнику) В(асильевичу) я напишу, но было бы хорошо, если бы и ты постарался. Ты ведь теперь такая знаменитость — на тебя положиться можно. А то Л(унд)бергу не то (что) лечиться, жить почти не на что. За весь год, что он за границей, 150 р(ублей) заработал: 100 в «Р(усских) В(едомостях)» и 50 в «Речи».⁵ Он пишет, что на днях пришлет мне свои рассказы — вот я и пошлю один С(емену) В(ладимировичу)⁶ — для Москвы, а другой

уже пойдет в Петербург — в расчете на тебя и Р(азумника) Вас(ильевича). Авось выйдет что-нибудь.

Здесь я пробуду еще дней 7, 8 — потом обратно в Соррет. Напиши поскорее. Всего хорошего. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ См. прим. 3 к п. 48.

² Это замечание Шестова свидетельствует о его глубоком понимании личности Ремизова, так как психологическая приверженность городскому локусу носила для писателя принципиальный характер; она не только формировала пространственный план его произведений, но и стала особой темой ремизовского творчества. Ср., например, следующий пассаж из главки «Лесовое», в которой повествуется о поездке Ремизовых в деревню во время революции: «„Как хорошо в Божьем мире!“ Но я не могу долго жить в деревне. Этот черед жизни: едят, растут, женятся — зелено, грязно, тихо — лесавки, лесовое, лесное. Нет, не могу я по „естественным законам“ и в постоянном страхе перед погодой. Пора домой — на камни и голод! И тянутся нетерпеливые дни: скучно — домой! Я вспоминаю В.Ф. Нувеля: один-единственный раз за всю свою жизнь выбрался он из Петербурга не в Мартышкино, где жил Сомов, а в настоящую деревню, как это вот Кислово, и на лоне природы в ухо залезла к нему ухвертка. И уж мне мерещатся везде эти нувелевские ухвертки. Вот и голода нет, одолела забота» (Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 257).

³ В Альманахах книгоиздательства «Шиповник» произведения Е.Г. Лундберга не публиковались.

⁴ Р.В. Иванов-Разумник.

⁵ См. прим. 13 к п. 47 и прим. 11 к п. 46.

⁶ Т.е. С.В. Лурье для публикации в «Русской мысли».

52

(18.VI.1911)¹

Не можешь представить себе, как порадовало меня письмо твое. Значит, увидимся! Я и сам хотел предложить тебе по пути заехать в наши края — но думал, что, может, очень выйдет затруднительно: ты и то путешественник не очень способный. Раз уже приедешь в наши края — наверное несколько времени проживешь — не в Женеве, а в Соррет:² ты уж в городах довольно пожил.

Пишу открытку — все равно скоро увидимся. Я здесь всего до пятницы проживу — потом в Соррет. Если *сейчас*³ ответишь, письмо еще застанет. Напиши определенно, когда предполагаешь приехать в наши края. О Е(вгении) Г(ермановиче)⁴ и прочем уже поговорим, когда увидимся. Привет С(ерафиме) П(авловне). Всего хорошего и до скорого свиданья. Твой ЛШ. В Мюнхен написал насчет «(Крестовых) Сестер». Жду книги.⁵

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Бадена по адресу: Paris (Frankreich) Hôtel de l'Univers 63. Rue Monsieur le Prince.

² В июле 1911 года Ремизовы провели несколько дней в Женеве и Коппе, где жили по адресу: Rue de Saronge № 93 (см.: Ремизов А.М. Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15).

³ Подчеркнуто Шестовым.

⁴ Е.Г. Лундберг.

⁵ См. прим. 4 к п. 49.

53

(23.VI.1911)¹

Что это не везет тебе, Алексей Михайлович — новая напасть. Я думал сначала, поболит и пройдет — а выходит неприятная история. Пожалуйста, напиши, не откладывая, как у тебя с рукой. Пожалуй, из-за нее удержишься в Париже! Неужели придется операцию делать? Теперь уже выяснилось — напиши немедленно. Только пиши уже не в Баден, а в Соррет. Кончил свои 3 недели и, хотя не только не лучше, но хуже стало — по крайней мере можно бросить лечение. Авось после скажутся ванны.

В Мюнхен писал насчет сестер² и получил ответ, что книга *еще не вышла*,³ но, как только выйдет (в скором времени), так пришлют. Авось к твоему приезду⁴ и книга будет. Привет С(ерафиме) П(авловне).

Жду вас с нетерпением. Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Бадена по адресу: Paris Hôtel de l'Univers.

63. Rue Monsieur le Prince.

² Имеется в виду повесть Ремизова «Крестовые сестры». См. предыдущее п. и прим. 4 к п. 49.

³ Подчеркнуто Шестовым.

⁴ См. прим. 2 к п. 52.

54

Corret

(24.VI.1911)¹

Суббота

Только что приехал в Corret и встретил здесь жену ассистента лозан(н)ского проф(ессора) хирургии Ру. Она говорит, чтобы ты ни под каким видом не делал себе операции у Douen'a. Douen очень рискует и часто без нужды оперирует. Кроме того, если операция уже необходима ² приезжай сюда: Ру (он считается лучшим хирургом) тебе ее *совсем даром сделает*.² Не знаю, поспеет ли письмо — боюсь, как бы не опоздало. Всего хорошего. Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Коппе по адресу: Paris. Hôtel l'Univers Rue Monsieur le Prince.

² Подчеркнуто Шестовым.

55

(29.VI.1911)¹

Ну, слава Богу, что миновала тебя чаша.² А то я взволновался сильно, особенно после разговора с дамой, о к(ото)рой писал тебе. Я потом беседовал и с мужем ее, и он подтвердил, что D(оуел) рискует очень. Ну, да Бог с ним — благо в нем нужды нет. — Напиши заблаговременно, когда приедешь. Я постараюсь тебя в Corret устроить — а не в Женеве. Здесь теперь очень хорошо, только трудно комнату найти. Ну, да авось найду. В Женеве вас встретит Ев(ений) Герм(анович)³ и привезет ко мне. А там — видно будет. Всего хорошего. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Коппе по адресу: Paris Rue Monsieur le Prince Hôtel l'Univers.

² Ср.: «да минует Меня чаша сия» (Мат. 26, 39).

³ Е.Г. Лундберг.

56

12/25 Июля (1911)

Пересылаю тебе два письма — надеюсь, они еще застанут тебя в Берлине¹ — а не то перешлют их в П(етербург).

Получил ответ от Горького. Пишет, что ему нужно знать адрес Романова,² чтоб списаться с ним. Как понимать это? Вероятно, в смысле поправок. Я как раз адреса Романова не знаю — напишу Варваре Григорьевне.³ Еще просит Горький прислать ему «А(пофеоз) Бесп(очвенности)» для прочтения. Пошлю — и ему в подарок — не знаю только, как он примет.

Получил письмо от Бр(онштейна)⁴ — специально по поводу «Омута»⁵ Лун(д)берга. И Бр(онштейн), и Лазарев⁶ в восторге от этого рассказа. Я, между прочим, ездил в

7*

Rasinicre(?) и видел Лун(д)берга. Работает усердно — что-то у него выйдет.
Привет Серафиме Павловне, Фриде Лазаревне и Якову Самойловичу.⁷

Твой Л

Из П(етербург)а не забудь написать!

¹ Возвращаясь в Россию, Ремизовы посетили Нюрнберг (останавливались в Hôtel Maximilian) и Берлин (жили по адресу: Wilmersdorf Nassanischestr. 5, Frau Schmidt, Schlachtensee). В Берлине они находились с 7(20) по 14(27) июля 1911 года (см.: *Ремизов А.М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15).

² Имеется в виду Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — писатель. В РО ГПБ (Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 185) хранится письмо Романова Ремизову 1910 года.

³ В.Г. Малахеева-Мирович. См. прим. 17 к п. 16.

⁴ Е.И. Бронштейн. См. прим. 19 к п. 8.

⁵ Речь идет о рассказе Е.Г. Лундберга «Омут». Опул.: Речь. 1911. 29 июня (12 июля). № 175. С. 2; 30 июня (13 июля). № 176. С. 2.

⁶ А.М. Лазарев. См. прим. 2 к п. 19.

⁷ Шрейберы Фрида Лазаревна и Яков Самойлович — давние знакомые Шестова (см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 176 и др.) и Ремизова. Находились в это время в Берлине и постоянно общались там с Ремизовыми. Я.С. Шрейбер упоминается во многих произведениях писателя, как правило, в ироническом контексте («инженер Яша Шрейбер»). Ср., например, в романе «Канава» (др. назв.: «Плачущая канава», «Ров львиный»): «„Многоточие у дам — это вроде птичьего приседа перед куром!“ — так, напоминает, выразился кто-то из французских философов, чуть ли не сам „всемирно известный“ Яша Шрейбер» (цит. по: *Ремизов А.М.* Избранное. Л., 1991. С. 523).

57

Сопет

8/21 Августа 1911 г(ода)

Не знаю, куда писать тебе — все ты с места на место переезжаешь.¹ Пишу на авось в П(етербург).

И я был очень порадован, заметкой Л(ундберг)а обо мне.² Не с той точки зрения, что она является противовесом статьям из «Ж(урнала) д(ля) В(сех)».³ Такие курьезы меня мало беспокоят и занимают. Это так и полагается, чтобы журнал для всех толковал так мои статьи. Я порадовался за Л(ундберг)а. Статья, действительно, прекрасно написана. Теперь Л(ундберг) пишет вторую статью критическую. Если и ее «Речь» напечатает и, если она к тому же окажется так же хорошо написанной, он пошлет третью. Между прочим, у него есть статья (уже почти готовая) о Сологубе. Она мне очень нравится. Как ты думаешь — можно ли с ней в «Аполлон»⁴ толкнуться?

Тебе кажется, что невероятно, чтоб Толстой высказался обо мне так, как рассказывает Перцов.⁵ А мне кажется, что вероятно. Особенно, если это мнение высказано было им до моей поездки в Я(сную) П(оляну).⁶ Ведь вспомни, что он о Нитше говорил(-): «бессвязные, самым пошлым образом бьющие на эффект писания одержимого манией величия бойкого, но ограниченного немца».⁷ А когда я ему стал рассказывать о Нитше — он признался мне, что Нитше знает только понаслышке и, что, в том виде, в каком я его представляю, он оказывается «очень нравственным человеком».⁸ Бьющие на эффект писания и писатель для публики⁹ ведь одно и то же. Толстой считал меня учеником и последователем Нитше, и этого было достаточно, чтобы осудить меня.¹⁰

Ты не пишешь, как здоровье твое. Лучше, чем прежде? Осматривал тебя доктор? Что сказал?

У меня новостей нет. Кланяйся С(ерафиме) П(авловне) от меня и от А(нны) Е(лазаровны).¹¹

Твой ЛШ

¹ 17 и 23—24 июля 1911 года Ремизов находился в Териоках, с 30 июля по 3 августа — в Ориенбауме (Sapstille), 10 августа — вновь в Териоках, с 13 по 19 августа в Эстляндии — на станции Корф и в Мерекюле (см.: *Ремизов А.М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15).

² Имеется в виду статья Е.Г. Лундберга «Заметки читателя. О Лье Шестове» (Речь. 1911. 31 июля (13 авг.). № 207. С. 2—3). См. также Приложение 3 к наст. публикации.

³ Подразумевается «Новый журнал для всех» — иллюстрированный «журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни»; выходил в Петербурге в 1908—1916-м годах под редакцией Н.А. Бенш-тейна. Шестов имеет в виду две рецензии (на Т. VI своего Собрания сочинений и на книгу Б. Грифцова «Три мыслителя. В.В. Розанов. Д.С. Мережковский. Л.И. Шестов»), появившиеся в этом журнале летом 1911 года. Первая рецензия завершается следующим пассажем: «И если тем не менее книга Шестова читается с большим интересом, то заслуга этого не в водопаде авторских слов и парадоксов, а в значении и интересе авторов, разбираемых им» ([Б.л.]. Лев Шестов. Великие кануны. Собр. соч. Т. VI. Изд. «Шиповник». СПб. 1911 г. // Новый журнал для всех. 1911. № 32. 2 паг. Стлб. 133). Вторая содержит следующую инвективу против Шестова: «Включение сюда (в книгу Б.А. Грифцова. — И.Д., А.Д.) Шестова само по себе обнаруживает, что сущность теорий разбираемых мыслителей ускользнула от внимания Грифцова, оказавшегося в плену их внешнего сходства, заслонившего собою их внутреннюю несоизмеримость. Таким внешним сходством можно признать то, что и Шестов является мастером слова, что и он, как Розанов, до беззаботности смело подходит к мировым проблемам жизни и литературы лишь для того, чтобы после целого ряда, как бы оброненных блестящих, порою поразительной глубины афоризмов, тезисов — прийти к тусклым и мелким лозунгам, теориям и пожеланиям» ([Б.л.]. Б. Грифцов. Три мыслителя. (В.В. Розанов. Д.С. Мережковский. Л.И. Шестов). Изд. В.М. Саблина. М. 1911 г. // Новый журнал для всех. 1911. № 34. 2 паг. Стлб. 134—135).

⁴ «Аполлон» — литературно-художественный журнал, выходивший в Петербурге в 1909—1918-м годах под редакцией С.К. Маковского; основными сотрудниками журнала были представители символизма и акмеизма. Подробнее об «Аполлоне» см.: *Корецкая И.В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 212—256.

⁵ Перцов Петр Петрович (1868—1947) — литературный критик, публицист, поэт, издатель и редактор (наряду с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус) журнала «Новый путь»; автор рецензии на книгу Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше» (см.: Мир искусства. 1900. № 5/6. С. 105—106).

⁶ См. прим. 11 к п. 44.

⁷ Неточная цитата из статьи Л.Н. Толстого «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1901—1902). Ср.: «Являются бессвязные, самым пошлым образом бьющие на эффект писания одержимого манией величия, бойкого, но ограниченного и ненормального немца» (цит. по: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1950. Т. 35. С. 184).

⁸ Г.Л. Ловцкий передает этот эпизод следующим образом: «Он (Шестов. — И.Д., А.Д.) получил приглашение приехать в Ясную Поляну (...) Он говорил, что Л.Н. Толстой был уже „весь в прошлом“, — грандиозный, мифический мудрец. Лев Исаакович попытался изложить ему учение Ницше и показать истинную картину мучительных переживаний немецкого мыслителя: за проповедью жестокости, за прославлением „сверхчеловека“, за требованием героических подвигов в стиле Цезаря Борджиа скрывался мучительный личный трагический опыт философа, которому в рот вползла змея и он не может ей откусить голову с ее ядовитым жалом. Самое страшное мы узнали потом, окольным путем, из книги его друга, проф. Овербека: Ницше, прославленный автор проповеди жестокости, в личной жизни не мог, что называется, мухи обидеть и расплатился за свои добродетели. Лев Николаевич Толстой, выслушав в передаче Шестова все это, сказал: — „Да ведь это в высшей степени нравственно“, — как будто мимо его ушей прошло, что здесь как раз ставится проблема о происхождении добра и зла» (*Ловцкий Г.* Лев Шестов по моим воспоминаниям // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1960. № 46. С. 136; курсив наш. — И.Д., А.Д.).

⁹ Ср. отзыв Толстого о Шестове, зафиксированный В.Ф. Булгаковым: «Одни думают для себя, другие думают для публики. Так он (Шестов. — И.Д., А.Д.) думает для публики» (*Булгаков В.Ф.* Л. Толстой в последний год его жизни. (Дневник секретаря Л.Н. Толстого). М., 1957. С. 127).

¹⁰ Подробнее об отношении Толстого к философии и личности Шестова см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 106—110.

¹¹ А.Е. Березовская-Шестова. См. прим. 2 к п. 33.

Давно тебе не писал — так что-то все устраивалось: каждый день собирался, и никак собраться не мог.

Огорчило меня сильно, что «Речь» рассказ Л(ундберга)¹ вернула — хотя, признаться, я мало надеялся на его напечатание: рассказ слабый. Но, что дальше с Л(ундбергом) будет? Если бы ты хотел сходить к Левину,² поговорить с ним, чтоб узнать у него,

как вообще «Речь» на Лундберга смотрит.³ Сейчас вот у него почти готова статья о Бердяеве.⁴ Довольна ли «Речь» его статьей обо мне⁵ и можно ли рассчитывать, что его «Заметки читателя» будут аккуратно печататься. Лундберг сейчас еще в горах, но на днях придет в Соррет, чтоб потом во Фрейбург ехать. Ты ему не писал долго, и он о своих делах не знает ничего определенного (Так. — И.Д., А.Д.) и впал, по обыкновению, в отчаяние. Очень хорошо было (бы), если бы ты, не откладывая, взялся поговорить с Левиным. — А то, право, я уже не знаю, что и делать с Лундбергом). Может быть, если бы его поддержать хоть года два, он бы потом и стал на ноги — сам же он только и делает, что собственные дела запутывает. Я бы Левину написал, но ты знаешь, что Левин тяжел на подъем.

Теперь еще одно дело — можешь сразу же с Левиным и об этом поговорить. У меня еще один есть такой, вроде Лундберга, человек — все мрачно принимающий: это Куклярский.⁶ Его книжку «Последнее Слово» арестовали, а самого его привлекли к ответственности по 73 статье.⁷ Живет он в Архангельской губернии (адрес его: Федор Федорычу Куклярскому, Сумский Посад, Архангельской Губернии), в глуши, и не с кем ему посоветоваться. Может быть Давид Абрамович посоветует ему адвоката? Или, может, у тебя есть знакомый адвокат. А то пропадет парень ни за что. Если есть кто-нибудь — напиши уже прямо Куклярскому, не откладывая.⁸ Сделаешь доброе дело.

Теперь насчет Венгерова.⁹ Я отказался писать для него о Мережковском.¹⁰ О тебе он мне не предлагал писать¹¹ — да я и не решусь взяться: боюсь срочной работы. Если мне придется к тебе написать — я могу, ведь, в «Речи» или «Русской Мысли» напечатать. А вот, если бы Венгеров дал хотя бы о тебе Лундбергу написать.¹² Я читал статью Лундберга о Сологубе:¹³ отлично написана. Я Венгерову предложил дать о Мережковском — Лундбергу. Не знаю, согласится-ли. А по мне, Лундберг мог бы и о Мережковском, и о тебе хорошо написать.¹⁴ Напиши мне, что ты об этом всем думаешь, и напиши, не откладывая. И не забудь, если можно, с Левиным переговорить.

Как здоровье твое? Ты молчишь на этот счет. Значит хорошо? Всего доброго. Привет Серафиме) Павловне.

Твой ЛШ¹⁵

Дорогой Алексей Михайлович!

Обстоятельства т(а)к складываются, что я, вероятно, не т(а)к скоро буду в Петербурге, т(а)к что нам относительно балета надо списаться. Мне мысль о балете на тему «Красок»¹⁶ представляется очень заманчивой. Надо только вступление и заключение присочинить к тому, что у Вас уже есть. Вступление могло бы изображать постепенное появление цветов, что ли.¹⁷ Я Вам указываю только т(а)к сказать направление, в к(о)т(о)ром возможно музыкальное дополнение. То, что уже есть у Вас, всецело поддается музыкальной характеристике. Если в таком же роде будет вступление и заключение, то я надеюсь дать посильную музыкальную характеристику. Но, раньше, чем приступать к работе, я должен иметь всю¹⁸ программу, хотя бы в кратких чертах, под руками, и тогда я Вам, вероятно, чрез несколько недель смогу сообщить, насколько успешно подвигается музыка.

Главное не впасть в обычный балетный жанр с ее (Так. — И.Д., А.Д.) соло и условными групповыми танцами. Из «Красок» должна выйти пантомима в звуках и соответствующих движениях.

Пишу наскоро, но надеюсь, что Вам ясна моя мысль. Жду от Вас ответа.

Теперь было бы благоприятное время для сочинения балета, т(а)к к(а)к эскиз «Горя от ума»¹⁹ я закончил и теперь сижу над его обработкой.

Будьте здоровы. Кланяюсь низайше Серафиме Павловне.

Ваш Ловцкий

¹ О каком именно рассказе Е.Г. Лундберга идет речь, установить не удалось. Несколько месяцев спустя в «Речи» был опубликован его рассказ «Ночь» (см.: Лундберг Е. Ночь // Речь. 1911. 18(31) окт. № 286. С. 2).

² Д.А. Левин. См. прим. 14 к п. 16.

³ Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Ремизовым сиреневым карандашом.

⁴ Позднее эта статья была опубликована в «Речи». См.: Лундберг Е. Заметки читателя. О Николае Бердяеве // Речь. 1911. 1(14) дек. № 330. С. 2.

⁵ См. прим. 2 к п. 57.

⁶ Куклярский Федор Федорович (1870—1923) — журналист, философ; автор сочинений: «Философия индивидуализма» (СПб., 1910), «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» (СПб., 1911), «Осужденный мир. (Философия человекоборческой природы)» (СПб., 1912), «Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания» (Пг., 1917; Кн. 1. Культура и познание), «Критика творческого сознания. (Обоснование антиномизма)» (Чита, 1923); корреспондент В. В. Розанова.

⁷ Очевидно, имеется в виду статья 73 «Уголовного Уложения», предусматривающая в качестве наказания за «богохуление или оскорбление святости» в произведениях печати ссылку на поселение (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Т. XXIII. С. 187—188). Рецензия на книгу Куклярского «Последнее слово» в «Новом журнале для всех» заканчивается следующим резюме: «Психиатров названная книжка могла бы заинтересовать» ([Б.п.]. Федор Куклярский. Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства. СПб. 1911 г. // Новый журнал для всех. 1911. № 32. 2 паг. Стлб. 133).

⁸ Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Шестовым.

⁹ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиограф, профессор Санкт-Петербургского университета; брат З. А. Венгеровой (см. прим. 3 к п. 12); автор статьи о Шестове (см.: Энциклопедический словарь. [Изд.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон]. СПб., 1907. Т. II Д. С. 883).

¹⁰ Подразумевается критический очерк о Мережковском, который предназначался для издания «Русская литература XX века» под редакцией С. А. Венгерова (см.: Русская литература XX века. (1890—1910). М., 1914—1918. Т. 1—3 (вып. 1—8)). В письме к С. Г. Пети от 5 сентября 1911 года Шестов объяснял свой отказ следующим образом: «Как мне не неприятно отказывать Семену Афанасьевичу — но ничего не поделаешь: я уже писал ему, что ни под каким видом не могу принять его предложение. Главная причина — я занят другой работой и бросать ее ради статьи о Мережковском не могу. Вторая причина — я уже однажды о Мережковском писал и, право, не знаю, что бы я мог еще написать. Я посоветовал Семену Афанасьевичу предложить Лундбергу написать о Мережковском. По-моему, он отлично справится с этой задачей. Он года два тому назад читал в Киеве лекции о Мережковском и с большим успехом. Ему и книги в руки. А мне и думать об этом нечего» (цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 115). Однако попытка Шестова переадресовать эту работу Е. Г. Лундбергу не увенчалась успехом. Автором статьи «Дмитрий Мережковский» стал А. Долинин (см.: Русская литература XX века. (1890—1910). М., 1914. Т. 1. С. 295—356).

¹¹ В одном из томов «Русской литературы XX века» Венгеров предполагал поместить автобиографию Ремизова и критический очерк о нем. Этот замысел не был осуществлен. Две автобиографии Ремизова (1912 и 1913 годов) хранятся в его фонде в РО ГПБ (см.: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1); там же находится письмо Венгерова от 13 февраля 1912 года — ответ Ремизову в связи с получением его автобиографии 1912 года (см.: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 73). Критический очерк о писателе Венгеров заказал Г. И. Чулкову (под названием «Сны в подполье» вошел в книгу Чулкова «Наши спутники» (М., 1922. С. 7—37)). В письме от 8 ноября 1911 года М. О. Гершензон сообщил Ремизову: «Венгеров условился с Чулковым здесь и пришел ко мне от Чулкова. Я, услышав, ахнул и стал выговаривать ему; я говорил о Шестове, он отвечал, что никак не думал, чтобы Ш(естов) взялся писать о Вас. На этом, в середине разговора, пришел Булгаков, потом еще, и сидели два часа, и так вместе ушли, так что я не мог настоять на Шестове; а на другой день Венг(еров) уехал, я его больше не видел. Боюсь, что теперь, по прошествии двух недель (это было, кажется, 23го), ему неудобно будет отнять заказ у Чулкова (или переменить, как я ему советовал, т(о) е(сть) дать ему другую тему). Попробую так, напишу ему, В(енгеров)у, завтра по другому поводу и к стати насчет Вас, т(о) е(сть) Шестова. Скажу Вам по правде: я протестовал против Чулкова не в Ваших интересах; по-моему, для Вас во всех отношениях безразлично, кто и что о Вас пишет; для Вас важно только, что *Вы* (Подчеркнуто Гершензоном. — И. Д., А. Д.) пишете, а там все само собой устает на свои полочки. Мне только хотелось вообще, чтобы была написана дельная статья, а не „80 000 слов под водою“ — извините за каламбур, к которому Вы же подали повод. Для Вас не важно, а для читателей важно, так что не Вам огорчаться, а нам, публике» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 10). Ср. также мнение Р. В. Иванова-Разумника, высказанное им Ремизову в письме от 17 ноября 1911 года: «Дорогой Алексей Михайлович, сочувствую Вам: что в Венгеровском предприятии о Вас писать будет Чулков — это совсем плохо. Если б Гершензон взялся — совсем другое дело, а еще лучше, если бы Лев Исаакович. Я бы на Вашем месте узнал бы у Венгеровой — начал ли уже Чулков свою статью? Если да — плохо дело, если нет — скорее бейте челом Гершензону или Шестову. Кстати сказать: я в этом издании не участвую, т(ак) к(ак) недавно послал Венгерову отказ — не буду писать о Гиппиус» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 36).

¹² Этот замысел не был осуществлен. Единственная публикация Е. Г. Лундберга, имеющая непосредственное отношение к творчеству Ремизова, — рецензия на книгу проф. А. В. Рыстенко «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова» (см.: Лундберг Е. Проф. А. В. Рыстенко. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса 1913 г. // Заветы. 1914. № 3. Отд. III. С. 61).

¹³ Имеется в виду статья Лундберга «Лирика Федора Сологуба», опубликованная впоследствии в журнале «Русская мысль» (1912. № 4. Отд. II. С. 57—86).

¹⁴ Позднее Лундберг написал большую работу о Д.С. Мережковском — «Мережковский и его новое христианство» (СПб., 1914).

¹⁵ Далее, на том же листе, приписка, сделанная рукой Г.Л. Ловцкого. Ловцкий Герман Леопольдович (1871—1957) — зять Шестова, муж его сестры Фани Исааковны (1873—1965), талантливый композитор (в 1903 году окончил Петербургскую консерваторию с золотой медалью; ранее — в 1901 году — закончил юридический факультет Лейпцигского университета), автор статей о музыке, литературе и философии, публиковавшихся в русских и немецких периодических изданиях. По свидетельству Н.Л. Барановой-Шестовой, Г.Л. Ловцкий «с большой любовью и глубоким пониманием следил за работами Шестова и много писал о нем. В течение нескольких десятилетий бережно собирал письма, адресованные Шестовым ему и другим членам семьи» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 300*); «Ловцкие были очень близки с Шестовым. Очень интересовались его работой и во многом ему помогали (...) часто виделись с Шестовыми и прожили у них в Коппе больше двух лет (1911 — сентябрь 1913 г.)» (Там же. С. 299—300). Вероятнее всего, Ловцкий познакомился с Ремизовыми во время их визита в Коппе к Шестову в июле 1911 года.

¹⁶ Имеется в виду вторая новелла раздела «Весна-красна» книги Ремизова «Посолонь» — «Красочки». Свои либретто по мотивам «Посолони» Ремизов называл «русалиями». Под названием «Гори-цвет» «весенняя русалия» на тему «Красочек» была опубликована им в 1922 году в «Московском альманахе» (Кн. 1), вошла также в его книгу «Русалия» (Берлин, 1922).

¹⁷ Подчеркнуто Ремизовым сиреневым карандашом.

¹⁸ Подчеркнуто Ловцким.

¹⁹ Речь идет о музыкальном произведении Ловцкого.

59

Coppet 5/IX 1911
н(ового) с(тиля)

Твой 3^й том¹ и письмо получил. Большое спасибо за книжку и за поручения у Митюрникова. Я ему вчера деньги по старому счету и новый заказ выслал. Не забудь, если Карташева² увидишь, рас(с)просить его, что есть интересного у нас по догматическому богословию.

В Берлин я переправил тебе одну открытку и письмо.⁴ Получил их? Теперь насчет Лундберга. С ним плохо: опять температура 38. Конечно, падает духом. Уже постарайся что можно сделать. Кому ты сдал его «Тринадцатого»³? У него в «Речи» есть еще работы — если будет случай, узнай, пойдут ли они, особенно корреспонденция из Швейцарии.⁶ У него и в «Р(усских) В(едомост)ях» есть несколько статей — оттуда никакого ответа!

Как тебе история с «отцом Федором» Романова⁷ понравилась? Пока я с Г(орьким) переписывался,⁸ он уже набирался и в июльской книге «Р(усской) М(ысли)» напечатан. А Г(орький) все-таки очень его раскритиковал. Задуман, пишет, хорошо, а выполнен скверно: нужно наполовину сократить!⁹

А как то, что ты мне о «Современнике»¹⁰ рассказывал — по(д)твердилось? Позвали Ив(анова-)Разумн(ика) туда?

Как твоё здоровье? Думаешь в П(етербург)е долго прожить?¹¹ Напиши несколько слов! Если увидишь Левиных,¹² скажи, что я им писал в Финляндию, но адрес такой странный, что, может, письмо и не дошло.

Всего хорошего. Еще раз спасибо за книгу и исполненные поручения. Приедешь в следующий раз, еще крепче чай тебе заварю. И уж не дам жить в Женеве — буду в озере купать, авось тогда не забудешь его. Привет Серафиме Павловне от меня и наших.¹³ Все вас хорошо запомнили.

Твой ЛШ

¹ Имеется в виду Т. 3 «Сочинений» Ремизова (СПб.: «Шиповник», 1911), в который, кроме рассказов, вошел также цикл «снов» «Бедовая доля», посвященный Шестову.

² Речь идет об И.И. Митюрникове — владельце книжного магазина в Петербурге.

³ Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — историк церкви, профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге; входил в ближайшее окружение Мережковских.

⁴ См. прим. 1 к п. 56.

⁵ О каком именно произведении Лундберга идет речь, установить не удалось. Оно упоминается также в недатированном письме Лундберга Ремизову, отправленном из Москвы (см.: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 8).

⁶ В октябре 1911 года в «Речи» был опубликован рассказ Лундберга «Ночь» (см. прим. 1 к п. 58). Возможно, под «корреспонденцией из Швейцарии» Шестов подразумевает заметки Лундберга о своих швейцарских впечатлениях; впоследствии одна из таких заметок была опубликована в журнале «Заветы» (см.: *Евг. Л-рг [Лундберг Е.]*. Полиция прессы в Швейцарии // Заветы. 1912. № 9. С. 189—192; разд.: «Текущая жизнь»).

⁷ Подразумевается рассказ П.С. Романова «Отец Федор», опубликованный в журнале «Русская мысль» (1911. № 7. С. 55—93).

⁸ См. п. 56.

⁹ Горький писал Романову о его рассказе «Отец Федор»: «(...) весьма значительным содержанием, во многом — новым, он показался мне испорченным неуместной, а порою некрасивой игривостью языка, тяжелыми оборотами фразы и несколько семинарским пристрастием к физиологии» (цит. по: Лит. наследство. 1962. Т. 70. С. 248).

¹⁰ О каком именно издательском предприятии идет речь, установить не удалось.

¹¹ С 25 сентября 1911 года по 14 июня 1912 года Ремизов безвыездно находился в Петербурге (см.: *Ремизов А.М.* Адреса его и маршруты поездок. [1905—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15, 16.

¹² Д.А. и А.М. Левины. См. прим. 14 и 15 к п. 16.

¹³ Имеются в виду А.Е. Березовская-Шестова, дочери философа Таня и Наташа, а также Г.Л. и Ф.И. Ловцкие.

60

Соррет.

28 Октября
1911

Не ответил я тебе сейчас на твое последнее письмо, т(ак) к(ак) мне хотелось прежде прочесть твой исправленный «Пруд».¹ Вчера окончил чтение — и вот в немногих словах мое впечатление: новый, исправленный «Пруд» почти неузнаваем.² Из первых трех четвертей тебе удалось вытравить весь тот балласт лирики, который отягчал его в первом издании. К сожалению, последние 100 страниц сохранили слишком явные следы прежней твоей, юношеской, манеры. И это очень жаль, т(ак) к(ак), по-моему, если бы тебе удалось довести переделку до конца, «Пруд» был бы лучшим из твоих больших произведений. Лучше даже «Крестовых Сестер».³ Когда я читал первые части, мне начинало казаться, что тебе удастся в повестях и романах дойти до того мастерства, до которого ты дошел в своих «миниатюрах» (Посолонь,⁴ Сны,⁵ Лимонарь⁶). Это меня чрезвычайно порадовало, т(ак) к(ак) я никак не мог думать, чтоб одному человеку могли удасться два столь противоположных рода литературного творчества. Мне хочется надеяться, что ты «Пруда» не покинешь и в 3^{ем} издании переработаешь последние 100 страниц та(к) же, как переработал во 2^м первые 300. И тогда «Пруд», в который ты уже и без того вложил, по-видимому, очень много сил — ведь «Пруд» не просто рассказ, как «Неумный бубен»⁷ или про моего монаха⁸ — «Пруд» — быть, вырванный кусок из истории человеческой, и близко тебе знакомой жизни — и потому, по-моему, над ним ты можешь и должен дальше работать. Не нужно, по-моему, взваливать на Николая⁹ так много преступлений. Еще может быть, что Таня¹⁰ из-за него покончила с собой. Но Арсения¹¹ он не убил. И его кошмары должны больше забиваться во внутрь — а не проявляться наружу. И умирать ему не следует под копытами лошадей. Ему нужно еще долго походить по свету и даже может проявить ценные, — для всех ценные — дарования. Очень мне хочется, чтоб «Пруд» еще подвергся переработке. Раз ты можешь перерабатывать — не бросай его, из «Пруда» может вырасти совсем большая вещь. И даже в теп(е)решнем, еще не законченном виде он очень и очень хорош.¹²

Евг(ений) Германович¹³ теперь в Йене. Записался в студенты, учится. От Д(авида) А(брамовича),¹⁴ конечно, я никакого письма не получил. Будет случай — заверни к нему, узнай, каково положение Евг(ения) Германовича в «Речи». Свою статью о Сологубе он переслал Ч(еботаревской),¹⁵ выйдет ли что из этого?¹⁶

Как здоровье? Прошли зубы?

У меня все по-старому, так что и рассказывать нечего. Герман Л(еополович)¹⁷ сам тебе напишет, еще, может быть, сегодня. А(нна) Е(леазаровна)¹⁸ кланяется тебе и Серафиме Павловне. И от меня привет.

Твой ЛШ

От Раз(умника) В(асильевича)¹⁹ получаешь письма? Мне он что-то писать перестал. Спроси его в письме, в чем дело? Если будешь у «Шиповн(ика)», спроси, отчего на мое письмо не ответили.

¹ Находясь летом 1911 года в Париже, Ремизов переработал текст своего романа «Пруд» (1902) для издания в составе собрания сочинений (см.: Ремизов А. Сочинения. СПб.: «Шиповник», 1911. Т. 4). Впоследствии он вспоминал об этой работе: «„Пруд“ — мое первое произведение. Написан в Вологде (1902—1903), но в него вошло: „запевы“ (лирические вступления) — из ранее написанного еще в Усть-Сысольске (1900—1901). В первой редакции с некоторыми редакционными пропусками „Пруд“ напечатан в журнале „Вопросы жизни“ в 1905 году. (...) И только в 1908 году через С.К. Маковского в издательстве „Сириус“ (...) вышел „Пруд“ отдельной книгой. (...) Это вторая редакция без пропусков. „Пруд“ отпугнул „странностью и непонятностью“. (...) У меня не было, конечно, ни „серебристой дали“, ни „истомы зноя“, ни традиционных при описании природы „вальдшнепов“, я по пылу молодости хотел все обозначить по-своему — назвать каждую вещь еще не названным именем. И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное: каждая глава состоит из „запева“ (лирическое вступление), потом описание факта и одновременно сон; при описании душевного состояния, как борьбы голосов „совести“, я пользовался формой трагического хора. (...) Через Р.В. Иванова-Разумника попал я в „Шиповник“: (...) взялся „Шиповник“ издать собрание моих сочинений в восьми книгах. Тут-то мне и пришло в голову: „А что, если попробовать странный и непонятный „Пруд“ изложить своими словами?“ (скажу теперь: никому и никак не пожелаю этого делать — ни волею, ни неволею, ни от пожелания и сердца, ни со зла, ни на зло). Целое лето, сидя в Париже, (...) я прилежно занимался исправлением: и если в первой редакции и во второй я, как тогда говорили, „наворотил“, в третьей я так „разворотил“, что самому неловко стало — уж очень „на дурака“! Так вышла третья редакция „Пруда“» (Ремизов А. О разных книгах // Воля России (Прага). 1926. № 8/9. С. 231—232).

² Ср.: «О новом издании „Пруда“ Ремизова можно говорить почти как о новом произведении, до такой степени он переработан» (Кузмин М. Сочинения А. Ремизова, т. 4. Роман «Пруд» // Аполлон. 1911. № 9. С. 74). Сопоставительный анализ второй и третьей редакций романа см.: Shane A. Remizov's Prud: From Symbolism to Neo-Realism // California Slavic Studies (Berkeley; Los Angeles; London). 1971. Vol. VI. P. 75—78, 82.

³ См. прим. 2 к п. 46.

⁴ См. прим. 1 к п. 26.

⁵ См. прим. 6 к п. 34.

⁶ См. прим. 4 к п. 37.

⁷ См. прим. 10 к п. 34.

⁸ Имеется в виду рассказ Ремизова «Суд Божий». См. прим. 6 к п. 33.

⁹ Николай Финюгов — главный герой романа «Пруд».

¹⁰ Персонаж романа «Пруд».

¹¹ Персонаж романа «Пруд».

¹² Ср. также с мнением С.В. Лурье, которое было высказано им Ремизову в недатированном письме 1911 года: «(...) на два дня сбежал из Москвы в деревню (...) и захватил с собою „Пруд“. Читал с большим интересом (Подчеркнуто Лурье. — И.Д., А.Д.). Написан он, по-моему, неровно: есть места очень сильные, есть слабые, но то, что придает ему особый интерес, — это автобиографическая, т(о) е(сть), подлинность, которая чувствуется, и чувствуется больше всего в местах сильных. Я далек от того, чтобы причислить „Пруд“ к лучшим Вашим вещам, но хотел бы очень поговорить с Вами о многом, что там выплывает: и о своеобразном живом, рождающемся из гнили разложения, и о разлагающемся и упорно неумирающем...» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 6). Б.А. Садовской писал Ремизову 9 ноября 1911 года: «Позвольте поблагодарить Вас за „Пруд“, который я получил и уже прочитал до половины. Он разнится от первой редакции настолько, что кажется совсем новым произведением. Получилось два „Пруда“. Многих мест, упраздненных Вами теперь, мне искренне жаль, и я чувствую, что без них мне никак не обойтись. Это, конечно, происходит оттого что я старый Ваш читатель и знаю „Пруд“ еще по „Вопросам Жизни“. Дети наши начнут с теперешнего, более совершенного, „Пруда“» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 1). Несколько ранее (28 октября 1911 года) М.М. Пришвин сообщал Ремизову: «Большое спасибо за „Пруд“. Прочел я его и, к своему удивлению, вовсе не нашел таким таинственно непонятным, как привык считать его, слушая разговоры Ваших читателей» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 22). Ср.

также отзыв об этой редакции ремизовского романа в письме А.К. Закржевского от 12 ноября 1911 года (см. прим. 6 к п. 42).

¹³ Е.Г. Лундберг.

¹⁴ Д.А. Левин.

¹⁵ Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876—1921) — критик и переводчица; жена Ф.К. Сологуба.

¹⁶ Вероятно, Лундберг надеялся, что его статья «Лирика Федора Сологуба» будет включена Чеботаревской в составляемый ею сборник критических статей «О Федоре Сологубе» (СПб., 1911), однако этого не произошло. Впервые статья Лундберга была опубликована в «Русской мысли» (см. прим. 13 к п. 58).

¹⁷ Г.Л. Ловцкий.

¹⁸ А.Е. Березовская-Шестова.

¹⁹ Р.В. Иванов-Разумник.

61

11/XI 1912

Ты, что же это, Алексей Михайлович — меня уже совсем забыл? И старые сочинения выпускаешь,¹ и новые печатаешь² — а мне ничего не присылаешь! И, главное, как назло — не знаю номера твоего дома (на письмах своих ты адреса не пишешь), забыл совсем — и не могу тебе о себе напомнить. Решил через Раз(умника) Вас(ильевича)³ действовать.⁴

Что у тебя? Мне кажется, я уже век от тебя известий не имел. Напиши о себе, только, если это для тебя не невозможная задача, напиши толком: как живешь, как здоровье, что Серафима Павловна и т(ак) д(алее). И адрес свой напиши — тогда опять можно будет без посредничества переписываться. У меня, по обыкновению, новостей нет. Все по-старому. Серафиме Павловне — привет.

Твой ЛШ

¹ Речь идет о шести томах «Сочинений» Ремизова, выпущенных издательством «Шиповник» в 1910—1911-м годах.

² Очевидно, имеется в виду седьмой том «Сочинений» Ремизова, вышедший в издательстве «Шиповник» в 1912 году.

³ Р.В. Иванов-Разумник.

⁴ Адрес на обороте («Его В^{ию} Алексею Михайловичу Ремизову. Таврическая, 3^В, кв. 23») написан другим лицом; вероятно, Ивановым-Разумником.

62

2/XII 1912

Coppet.

Наконец-то получил письмо от тебя и с адресом. Записал адрес в книжку: теперь не пропадет. Что это у тебя с «Шиповником» за история?!¹ До сих пор все, ведь, хорошо шло. Ты был им доволен, даже чуть ли не благодетелем называл — помнишь? Что это, вдруг, с ними стало. Ты мне напиши подробнее — и так, чтоб можно было разобрать² в чем дело. А что Р(азумник) В(асильевич)² стал по(д)рядчиком в издательстве³ — это, конечно, очень хорошо. Вероятно, если только у него хватит средств, чтоб выдержать начало, к нему писатель так и повалит.

А теперь вот что. По всему видно, что ты часто встречаешься с Раз(умником) Вас(ильевичем). Я бы ему и сам написал, да жаль его очень беспокоить — заставлять письма писать: я знаю, что у (него) весь день на ред(акторские) дела уходит. Ты бы, вот, когда увидишь его, справился насчет Лундберга.⁴ Его две статьи попали от Венгерова в «Заветы».⁵ Венгеров статьи очень хвалит (сам письмо видел). И, по-вид(имому), Р(азумнику) В(асильевичу) они тоже подходят. Но, окончательно все еще не выяснено, пойдут ли они.⁶ Попроси от себя и от меня Р(азумника) В(асильевича) как можно скорее выяснить этот вопрос. Лун(д)бергу очень важно знать ответ теперь же. Я думаю, для Р(азумника) В(асильевича) не составит большого труда принять теперь решение — ведь все равно, когда решать-то....

У меня нового ничего. А(нна) Е(леазаровна)⁷ сейчас в Париже — работает в клиниках, так что я один совсем. Прежде еще бывало иной раз Балтрушайтис⁸ из Vevcy наедет. А теперь он в Россию уехал, и никого знакомых не осталось. Кстати, он говорил, что сейчас же по приезде соберется в П(етербург) и побывает и у Р(азумника) В(асильевича), и у тебя. Был он? Я его просил поклоны отвезти.

Скоро Герм(ан) Леопольд(ович)⁹ будет в П(етербург)е. Послезавтра его опера в Киеве идет,¹⁰ — сейчас как выяснится дело с оперой, он поедет в Москву, потом в П(етербург) и, конечно, побывает у тебя, вернет (?) тебе твои «Краски».¹¹ Пиши, да, по-возможности, обстоятельнее, обо всем, а то мне совсем мало пишут.

Всего тебе хорошего. Привет Серафиме Павловне. Твой ЛШ. Не забудь о Лундберге.

¹ 10 октября 1912 года в Петербурге возникло новое издательство «Сирин», владельцами которого были капиталист-сахарозаводчик М.И. Терещенко, а также его сестры П.И. и Е.И. Терещенко. Ремизов принимал в этом издательском предприятии самое близкое участие. 27 октября 1912 года произошла передача «Сирину» издательством «Шиповник» прав на дальнейшую публикацию собрания сочинений Ремизова (подробнее об этом см.: *Ремизов А.М. «Сирин»*. Записи дневникового характера // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 28; описание этой тетради см.: *Гречшук С.С. Архив А.М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 28*). Согласно этой договоренности в 1912 году «Сирин» выпустил восьмой том «Сочинений» Ремизова.

² Р.В. Иванов-Разумник.

³ С первых дней основания «Сирин» Иванов-Разумник стал одним из его организаторов и руководителей. Ср. запись Ремизова от 11 октября 1912 года: «Разумник Васильевич рассказывает, куда и как надо идти и что первым делом предпринять надо, чтобы издательство основать» (*Ремизов А.М. «Сирин»*. Записи дневникового характера // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 7; см. также Л. 8 и 9).

⁴ Е.Г. Лундберг. Здесь и далее текст, выделенный курсивом, подчеркнут Шестовым.

⁵ «Заветы» — ежемесячный литературно-политический журнал; эсеровский по политической программе. Издавался в Петербурге с 1912-го по 1914 год. Редакторы: П.П. Инфантьев, И.И. Краевский, Н.М. Кузьмин. Издатель — С.А. Иванчина-Писарева. Журнал выходил при ближайшем участии Иванова-Разумника, который с сентября 1912 года возглавлял постоянный отдел «Литература и общественность». Е.Г. Лундберг сотрудничал в научно-публицистическом отделе «Заветов».

⁶ Вероятно, речь идет о двух статьях Лундберга, которые были опубликованы в «Заветах» в 1913 году. См.: *Лундберг Е.* Проза и поэзия З. Гиппиус // *Заветы*. 1913. № 1. Отд. II. С. 68—79 (в примечании Лундберга к этой статье (с. 68) сообщалось, что «настоящая статья является частью более подробной, которая будет напечатана полностью под заглавием „Религия и лирика несвободной души“ в сборнике критических статей автора, подготовляемом к печати»); *Лундберг Е.* Н.П. Огарев // *Заветы*. 1913. № 11. Отд. II. С. 193—202.

⁷ А.Е. Березовская-Шестова.

⁸ Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — русский и литовский поэт, переводчик, дипломат; с 1921-го по 1939 год полномочный представитель Литвы в СССР. Летом 1911 и осенью 1912 года посещал Шестова в Коппе. Находился в дружеских отношениях с Ремизовыми (см.: *Балтрушайтис Ю.* Письма (3) Алексею Михайловичу Ремизову. [1911—1912] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 53; *Балтрушайтис Ю.К.* Письма (2) и телеграммы (2) Алексею Михайловичу Ремизову. [1913 и б.д.] // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 24). Именно благодаря Балтрушайтису Ремизовым удалось эмигрировать из России. Здесь и далее Шестов последовательно пишет «Балтрушайтис».

⁹ Г.Л. Ловцкий. См. прим. 15 к п. 58.

¹⁰ Н.Л. Баранова-Шестова сообщает об этой постановке: «Он (Ловцкий. — *И.Д., А.Д.*) написал несколько опер, из которых только одна „Луcreция“ была напечатана (Breitkopf und Herzl, Leipzig, 1911). Она была поставлена 5(18).12.1912 в Киевском городском театре. После спектакля ему преподнесли серебряный лавровый венок. После первых представлений опера была запрещена, вероятно, из-за революционной сцены и некоторой фривольности» (*Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 300).

¹¹ См. прим. 16 к п. 58.

Очень ты огорчил меня своим письмом! Откуда только все эти напасти берутся?! Как ты себя теперь чувствуешь? Пока письмо твое шло и пока мой ответ придет, много времени уйдет — может уже все в порядок пришло. Непременно напиши, не откладывая. А то мне и некого о тебе и расспросить — полегоньку да понемножку все

совсем перестали писать, так что за последние 6 месяцев я из П(етербурга), кроме, как от тебя, совсем почти ни от кого писем не получал. Балтрушайтис,² как уезжал отсюда, в ноябре, обещал обо всех подробно написать — не написал ничего. Когда-то Ив(анов-)Раз(умник) аккуратно писал, теперь, как стал в «Зав(етах)» хозяйничать,³ совсем словно воды в рот набрал. Мне даже приходит в голову, не обиделся ли он почему-либо на меня. Ты, при случае, разузнай и напиши мне.

С «Шиповником»⁴ и сам не знаю, что происходит. Обещали в январе прислать отчет и деньги,⁴ январь кончается — ничего нет. А за прошлый год я получил 180 (рублей) — т(о) е(сть) по 30 (рублей) с тома! Когда контракт подписывали — много обещали: будете почти как Сологуб жить,⁵ ну вот тебе и Сологуб. Если бы я на них рассчитывал — на папиросы, да на марки не хватило бы! Так что, по-моему, ты еще сравнительно со мной в блестящем у них был положении:⁶ получал, бывало, в месяц, кажется, по 200 — а я за год 150. Увидим, что дальше будет.

Неприменно, как получишь это письмо — сейчас хоть несколько строк о своем здоровье. Может, уже все прошло? Дай-то Бог!

Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Речь идет о воспалении легких, которым Ремизов заболел в январе 1913 года. Ср. его жалобы на самочувствие в письме к А.А. Блоку от 15 января 1913 года: «Я очень боялся этого воспаления: оно не страшно, когда в первый раз, но совсем нехорошо, когда во второй. Ведь вот в одном месте очистилось, а в другом (на старом) открылся „фокус“, и не знаю, когда разрешение дадут из дому на волю выйти» (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 115).

² См. прим. 8 к п. 62.

³ См. прим. 5 к п. 62.

⁴ Имеются в виду финансовые расчеты с издательством «Шиповник» за выпущенное в 1911 году собрание сочинений Шестова в шести томах. См. также прим. 3 к п. 45.

⁵ Шестов имеет в виду гонорары, которые «Шиповник» платил Ф.К. Сологубу за его «Собрание сочинений» в 12 томах (СПб.: «Шиповник», 1909).

⁶ Речь идет об оплате Ремизову за его «Сочинения» в восьми томах, издававшиеся «Шиповником» в 1910—1912-м годах.

31/I 1913.

Ну, слава Богу, что все обошлось у тебя благополучно. Не выходи уже из дому, пока доктора не разрешат: все лучше в комнатах без воспаления легкого, чем с воспалением!

Вчера и я получил откр(ытку) от Лун(д)б(ерга),² в которой он меня извещает, что поссорился с Ив(ановым-)Раз(умником).³ Глупейшая вышла история! И, главное, еще неделю тому назад Л(ундберг) жаловался мне, что Р(азумник) В(асильевич) не отвечает ему на письма и телеграммы. Я тогда же ответил ему, что тут должно быть недоразумение. Оно так, по-видимому, и вышло, судя по открытке Лун(д)б(ерга): Р(азумник) В(асильевич) не получил какого-то его письма. Нечего и говорить, что скандала делать не следовало, и, что Л(ундберг) поступил нехорошо. Я ему в ответ и написал, что самое лучшее теперь прямо и открыто признаться, что поступил нехорошо. Не знаю, послушается ли. Обыкновенно, «самое лучшее» именно потому, что оно такое простое, не бывает видно. Хорошо было бы, если бы ты, при случае, как-нибудь уладил эту историю. Так обидно, что в нашей писательской среде (я это и Л(ундбергу) написал) возможны те же мелкие и противные дразги, к(ото)рые обычны везде. Нужно сделать все, чтоб эту историю как-нибудь «потушить». В оправдание Л(ундберга) — или, точнее, не в оправдание, а в объяснение его поступков, можно привести только его болезненное состояние и вечную денежную запутанность. Нервы у него взвинчены, а человек он крайне непрактичный. Пошлет статью — ему кажется, что деньги должны чуть ли не по беспроволочному телеграфу придти. А того не знает, что, может, у Р(азумника) В(асильевича) и денег нет, и времени нет, и что у него не один, а 50 сотрудников и сотни дел.⁴ Я ему, по другому поводу, и не раз говорил об этом. Но, видно, горбатого

могилка исправит. Все же не всякое же лыко в строку — конечно, лучше было бы, если бы Лундберг владел собой и не путал. Но, кто из нас не грешен? Ты как-нибудь постарайся уладить, если можно, и так устроить, чтоб «Зав(еты)» все-таки его напечатали.⁵ Из «Речи»⁶ его уже выперли, в «Русской Мысли»⁷ тоже не распечатался, «Запросы Жизни»⁸ прикрылись, если из «Зав(етов)» уйдет — куда ему деваться. И мне поскорей напиши. А пока что — всего хорошего. Желая тебе поправиться поскорее. Кланяйся Серафиме Павловне. А(нна) Ел(еазаровна)⁹ сейчас в Париже — медицине обучается, и я solo.¹⁰

Твой ЛШ

¹ См. прим. 1 к п. 63.

² Открытка Е.Г. Лундберга Ремизову была отправлена из Вильмерсдорфа (под Берлином) 11 января 1913 года. См.: *Лундберг Е.Г. Письма (5) Алексею Михайловичу Ремизову. [1910—1913] // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 9, об.*

³ В своей открытке Лундберг благодарил Ремизова за то, что он прислал восьмой том своих «Сочинений»; делал предположение о важной роли греческой трагедии при работе над вошедшей в этот том «Трагедией о Иуде»; просил прислать ему ремизовскую рецензию на «Апофеоз беспочвенности» (см. прим. 5 к п. 2), которую предполагал вставить в свою работу о Шестове (см.: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 9—9, об.). О конфликте с Р.В. Ивановым-Разумником Лундберг не обмолвился Ремизову ни словом.

⁴ Имеется в виду напряженная работа Иванова-Разумника в журнале «Заветы».

⁵ В 1913 году в «Заветах» были опубликованы две статьи Лундберга (см. прим. 6 к п. 62). В 1914 году журнал неоднократно публиковал рецензии Лундберга в разделе «Библиография». См.: *Лундберг Е. «Слово». Сборник первый. Кн-ство писателей в Москве. 1913 // Заветы. 1914. № 1. Отд. III. С. 50—51; Лундберг Е. Любовь Копылова. Стихи. Тетрадь вторая. Изд. В. Португалова. М., 1914 г. // Заветы. 1914. № 2. Отд. III. С. 55—56; Лундберг Е. Две драмы. (Альманах издательства «Шиповник», кн. 22) // Там же. Отд. II. С. 8—11 (разд. «Текущая жизнь»); Лундберг Е. Проф. А.В. Рыстенко. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса 1913 г. // Заветы. 1914. № 3. Отд. III. С. 61; Лундберг Е. Р. Тёпфер. О прекрасном в искусстве. Размышления и заметки женевского художника. Перевод с французского М.Д.Г. Изд. кн-во «Огни» // Заветы. 1914. № 5. Отд. III. С. 54.*

⁶ См. прим. 12 к п. 38.

⁷ См. прим. 8 к п. 33.

⁸ «Запросы жизни» — еженедельный вестник культуры и политики. Выходил в Петербурге с 1909-го по 1912 год. Редакторы: Р.М. Бланк, Ф.М. Прошлецов. Издатели: Р.М. Бланк и А.Н. Котельников.

⁹ А.Е. Березовская-Шестова.

¹⁰ один (ит.).

65

Soppet 23/V 1913

Получил твое письмо — и пишу тебе только несколько слов. Очень рад я и очень рады Ловцкие,¹ что ты с Сер(афимой) Павловной приедете к нам. Анны Елеазаровны,² как ты уже знаешь от [инициалы ирзб.] нет в Соррет. Но у нас здесь есть знакомая хорошая, женщина врач — она заменит А(нну) Е(леазаровну) и посоветует Серафиме Павловне что нужно. По-моему, вы в Париже³ к врачам не ходите: только время и деньги потратите. Приезжайте, чем (?) скорее сюда⁴ — здесь и поживете, и Серафима Павловна полечится. Напиши мне заблаговременно, если можно — сейчас, когда вы предполагаете быть у нас: я тем временем для вас подыщу комнату и все, что нужно, приготовлю.

Сегодня едет в Москву Семен Владимирович.⁵ Спешит очень, как полагается, и в Берлине⁶ остановиться не может. Но, если между поездами найдется часик — он, пожалуй, забежит.

Получил твою новую книжку,⁷ но прочесть не успел: я только три дня тому назад вернулся в Соррет⁸ и все время разговариваю с С(еменом) В(ладимировичем). За книж(к)у спасибо.

Итак — до скорого свидания. Непременно отвечай поскорей. Серафиме Павловне и Шрейберам⁹ привет от меня. Ловцкие всем вам низко кланяются.

Твой ЛШ

¹ См. прим. 15 к п. 58.² А.Е. Березовская-Шестова.

³ В мае-июле 1913 года Ремизовы вновь, как и в 1911 году, предприняли заграничное путешествие. В Париже они находились с 14(27) мая и останавливались в Hôtel de l'Univers (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. 1913—1919 // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1*).

⁴ В Швейцарию Ремизовы прибыли 30 мая (12 июня) и поселились в местечке Фунэ (Pension Etier, владеец Eduard Fiandra) неподалеку от Коппе (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1*). Здесь они прожили три недели.

⁵ С.В. Лурье.

⁶ В Берлине Ремизовы находились с 11(24) мая и жили по адресу: Grützenstr(asse) 19 (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1*).

⁷ Имеется в виду книга Ремизова «Подорожие» (СПб.: «Сирин», 1913).

⁸ Где именно находился Шестов, установить не удалось. По свидетельству Н.Л. Барановой-Шестовой в апреле 1913 года он покидал Коппе, чтобы навестить родителей в Берлине (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 251*).

⁹ См. прим. 7 к п. 56.

66

(4.VI.1913)¹

Получил твою открытку из Парижа — хорошо, что уже 11(-го июня) срок кончается твоей комнаты. А здесь мы тебя устроим. Напиши только *окончательно*,² когда приедешь:³ здесь, ведь, все нужно вперед сказать. И, затем, по-моему, тебе нечего на Женеву ехать — можно на Лозанну, — потом через Нуон в Соррет. Ты как предпочитаешь ехать — ночью или днем? Если не можешь сам разыскать поезда — напиши: мы тут тебе разыщем. На вокзале, конечно, встречу. Главное, заблаговремен(н)о напиши точно о приезде, чтоб все приготовить. А пока всего хорошего тебе и Серафиме Павловне. Наши кланяются.

Твой ЛШ

* А Гер(ман) Леоп(ольдович)⁴ говорит, что на Женеву — лучше: и, кажется, прав.

¹ Открытое письмо. Датируется по коппетскому штемпелю. Получено в Париже 5 июня 1913 года. Отправлено по адресу: M^{et} Remisof. Paris. 63 — Rue Monsieur le Prince.

² Подчеркнуто Шестовым.³ См. прим. 4 к п. 65.⁴ Г.Л. Ловцкий.

67

(6.VII.1913)¹

Воскресенье.

Писем, как видишь, немного: всего две открытки, к(ото)рые и пересылаю. Была в «Речи» рецензия Ауслендера о твоей книге «Подорожие».² Если хочешь — пришлю, но, думаю, что ты (у)же ее видел.

Л.Е.³ сейчас едет в Карлсбад. Адрес его: Karlsbad, Cap Martin. Если что нужно — напишите. Он постарается быть в(ам) полезным.⁴ Что у вас нового? Как в Цюрихе живете.⁵ Смотри — пиши, а то деньги твои захвачу и не отдам.⁶ Как в Цюрихе? Лучше, чем у Фианд(р)ы?⁷ Как чувствуете себя? Поедете Тагаср (?) смотреть?

У меня нового мало. Разговаривать пришлось много — даже дрова (?) забросил. Всего хорошего. Серафиме Павловне привет и пожелания выздоровления.

Твой ЛШ

¹ Датируется по связи с п. 69.

² Ауслендер С. Алексей Ремизов «Подорожие». Изд. «Сирин». С.-Петербург, 1913 г. // Речь. 1913. 17(30) июня. № 162. С. 3.

³ Возможно, имеется в виду Лев Евсеевич Мандельберг, муж сестры Шестова Елизаветы Исааковны (см. прим. 2 к п. 10). Подробнее о нем см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 288—289. В 1912—1914-м годах сын Мандельбергов Яков учился в Женеве и Лозанне под наблюдением Шестова. Вероятно, Л.Е. Мандельберг приехал в Швейцарию, чтобы навестить сына, а затем отправился в Карлсбад.

⁴ Ремизовы приехали в Карлсбад 1(14) июля 1913 года (см.: *Ремизов А.М.* Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1).

⁵ В Цюрихе Ремизовы жили с 19 июня (2 июля) 1913 года в Hôtel Merkur № 19 по адресу: Vogelsangstr(asse) 27. 29 июня (12 июля) они переехали в Нюрнберг и поселились в Hôtel Maximilian (см.: *Ремизов А.М.* Помесячная роспись...// ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1).

⁶ Деньги для Ремизова от издательств «Сирин» и «Шиповник», а также прочую корреспонденцию из России, пересылал Шестову в Коппе Иванов-Разумник. См. его письма к Ремизову этого периода, среди которых находится и чек Цюрихского банка на сумму 767 франков 20 сантимов (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 6—15).

⁷ См. прим. 4 к п. 65.

68

Вскрыл телеграмму - думал, может что-либо экстренное. Не ответил ничего — ты сам можешь ответить: уплаченный ответ действителен и для Цюриха: по всей Швейцарии. Всего хорошего. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

Написано между 2 и 9 июля 1913 года (датируется по содержанию).

69

(9.VII.1913)¹
Среда.

Досадно, что Цюрих тебе портит все, что в Соррет поправилось. И отчего это? Может и в самом деле лучше бы вам поскорее в Карлсбад.² Л.Е.³ уже там.⁴ Адрес его *Cap Martin*, как я уже писал тебе. По-моему, чем скорее поедете вы туда, тем лучше. Ведь он там всего 3, самое большое 4 недели проживет, а он там уже с понедельника. — Отчего это ваши письма општафовали (?), и отчего за телеграмму взяли 2-50, не знаю. Может ответ был не за 20, а за 10 слов уплачен?

Вчера переправил парижскую посылку, а сегодня посылаю «Речь» со статьей Ауслендера.⁵ Писем больше нет. Всего хороше(го). Привет Сер(афиме) Павл(овне).

ЛШ

Балтрушайтис⁶ вам кланяется и просит свой адрес сообщить. Нужно?

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено из Коппе в Цюрих по адресу: Vogelsangstr(asse) 27.

² См. прим. 4 к п. 67.

³ См. прим. 3 к п. 67.

⁴ Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Шестовым.

⁵ См. прим. 2 к п. 67.

⁶ См. прим. 8 к п. 62.

70

(16.VII.1913)¹

Спешу сообщить тебе, что в последнем номере «Речи» появился твой «Жук».² Советую тебе напомнить им насчет денег, а то, пожалуй, позабудут. Номера газеты не присылаю — хочу для детей сохранить.

Отчего ты замолк? Как твоё здоровье? Довольны вы Карлсбадом. Непременно напиши. Всего хорошего. Привет Сер(афиме) Павловне.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по коппетскому штемпелю. Получено в Карлсбаде 17.VII.1913.

² См.: Ремизов А. Жук. Рассказ // Речь. 1913. 29 июня (12 июля). № 174. С. 2.

71

Твой рассказ был напечатан в прошлую субботу 29 июня в № 174.¹ Приблизительно 400 строчек — т(о) е(сть) 5 столбцов по 80, да долой в первом и последнем столбце строчек 15, 20. Все-таки советую о деньгах напомнить. Когда я в последний раз напечатал в «Р(ечи)» свою статью,² мне не прислали денег, пока не напомнил. От Струве³ тоже ничего не получал, и ему советую напомнить: забывают они все, им кажется, что выслать-то деньги никогда не поздно.

Псылаю тебе 3 письма. У меня особенных новостей нет, и неособенных тоже нет. А вести со всех сторон исходящие. От Лун(д)б(ерга) — разные неудачи, у вас — в Карлсбаде — тоже неудачи, наши⁴ поехали к морю, и им там нехорошо, у А(нны) Е(леазаровны)⁵ все врачи ее отделения разбежались и на нее отделение бросили, совсем замучилась в работе. И Разумник⁶ все на здоровье жалуется. О нем ты, впрочем, и сам знаешь: он ведь тебе писал.⁷ Ты бы его попросил, чтоб он протелефонировал в «Речь» и «Русскую Мысль».⁸ Он все равно в Петербурге, ему не трудно, а тебя избавит от неприятностей.

Пиши все-таки. Говорят, что в Карлсбаде всегда сперва нехорошо — и что лечение только потом сказывается. Всего тебе хорошего и привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

Написано между 17 и 27 июля 1913 года (датируется по содержанию).

¹ См. прим. 2 к п. 70.

² См.: Шестов Л. Поэзия и проза Федора Сологуба // Речь. 1909. 24 мая. № 139. С. 2—3.

³ Имеется в виду П.Б. Струве как редактор «Русской мысли». См. прим. 13 к п. 17, а также прим. 8 к п. 33.

⁴ Т.е. Ф.И. и Г.Л. Ловцкие. См. прим. 15 к п. 58.

⁵ А.Е. Березовская-Шестова.

⁶ Р.В. Иванов-Разумник.

⁷ 11/24 июня 1913 года Иванов-Разумник писал Ремизову: «Мне, Алексей Михайлович, плохо всячески. „Заветы“ на краю гибели, а я в них много сил вложил. — К тому же — очень болен я, и совсем измучен. Стыдно жаловаться, да уж подступило. Давно не было у меня в жизни такой тяжелой полосы, как теперь, вот уже с неделю» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 16).

⁸ В письме от 15 (28) июля 1913 года Иванов-Разумник, очевидно, в ответ на просьбу Ремизова, сообщал ему: «Дорогой Алексей Михайлович, письма Ваши все получил, деньги выслал Вам давно; все поручения исполнил. „Речь“ сообщила, что деньги Вам высланы, — „Р(усская) М(ысль)“ — что рукопись Ваша получена (принята или нет — пока неизвестно) (...)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 8).

72

Пересылаю заказное письмо. От Блока, кроме того письма на имя Шестова, что пришло при тебе,¹ больше ничего и не было. Да и вообще — я все до одного письма переслал, и здесь, если бы на Шест(ова) пришло письмо, принесли бы мне.

Есть у тебя какие-нибудь вести из П(етербурга)? Денег для тебя не получал. Может как-нибудь тебе прямо перешлют. Новостей у меня никаких. Что у вас? Пиши все-таки — хоть открытки. Сер(афиме) Павл(овне) привет.

Твой ЛШ

Написано между 17 и 27 июля 1913 года (датируется по содержанию).

¹ Имеется в виду письмо А.А. Блока А.М. Ремизову из Петербурга от 2 (15) июня 1913 года (см.: Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 116—117).

73

Пришла сегодня куча писем для тебя — пересылаю их. А денег до сих пор нет никаких — ни от Струве, ни из «Речи».¹ Отчего — не знаю. Как у тебя насчет денег? Расходы, вижу по твоему письму, огромные — дождешься ли ты получек? Если не дождался (может прямо тебе в К(арлсбад) прислали?)² напиши — я из своих пока вышлю, потом, когда придут твои, возьму себе из них.

Впрок ли по крайней мере идет лечение (?) Или не помогает? Как ты себя чувствуешь?

Получил от Анны Марковны³ открытку: Д(авид) А(брамович)⁴ не приедет совсем. Вот и все новости.

Поклон Сер(афиме) Павловне — пиши.

Твой ЛШ

Написано между 17 и 27 июля 1913 года (датируется по содержанию).

¹ См. прим. 8 к п. 71.

² 9 (22) июля 1913 года Иванов-Разумник отправил Ремизову официальное письмо на бланке издательства «Сирин», которое сопровождало переводной билет на сумму 480 рублей (80 рублей от издательства «Шиповник» и 400 рублей от «Сирин») на Карлсбадское отделение Венского банка (см.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 10; здесь же (Л. 14) находится телеграмма с уведомлением о посылке денег от «Сирин», направленная Ремизову в Карлсбад 21.VII.1913).

³ А.М. Левина. См. прим. 15 к п. 16.

⁴ Д.А. Левин. См. прим. 14 к п. 16.

74

(27.VII.1913)¹

Заказные письма приходят, а денежек нет. Это от Струве — что он тебе пишет? Пойдет рассказ!² Пиши! Всего хорошего. Поклон С(ерафиме) П(авловне). Твой ЛШ

¹ Датируется по коплетскому штемпелю. Написано на конверте письма П.Б. Струве.

² См. прим. 8 к п. 71.

75

1/VIII 1913

Сейчас получилось письмо из банка. Письмо было на твое имя, но я вскрыл его, предполагая, что чек, как ты мне говорил, на мое имя. Оказалось, что и чек (не) на мое имя — значит, я его получить не могу. Нужно, стало быть, вот как сделать: либо зайти в какой-нибудь Банк в Карлсбаде — может там тебе упротят и возьмут недорого. Либо, если это не выйдет, напиши свое имя и фамилию на оборотной стороне и пришли мне — тогда я уже получу и перешлю тебе, куда и как хочешь. Кажется, нужно торопиться, т(ак) к(ак) чек имеет силу определенное время.

Ну, всего хорошего. Новостей никаких. Кланяйся нашим и Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

Если хочешь получить русскими деньгами — напиши: может достану.

76

12/25 Сентября 1913

Только что вернулся с почты — отправил тебе твои книги. Поздновато — но, ведь возни с ними было: зашивать, печатать. Если бы не А(нна) Е(леазаровна)¹ — и не справился бы. Но, слава Богу, отправлены. Послал я их на адрес *Сирин*² без упоминания,

что для тебя: это, чтоб легче прошло. Ты им скажи, что придет один *пакет* и одна зак(азная) бандероль (все в один пакет нельзя было — больше 10 фунтов не принимают, пришлось сбавить).

Что это ты опять болеть вздумал! И, главное, после заграницы, после Карлсбада! Нехорошо! Может ты опять по-старому не очень диету соблюдаешь?! Соблазнительно, конечно — да, ведь, после очень уже расплавиваться придется. А как Серафима Павловна? Помогла поездка? Не ленись, напиши обо всем.

И об Ив(анове-)Разумн(ике)³ напиши. Он мне совсем не пишет. Судя по твоему письму, ему лучше, и он не приедет ко мне.⁴ Что не приедет — жалко, а все-таки я, конечно, рад, что ему лучше. Только бы в самом деле он оттого отказался от поездки, что не нужно. А то бывает так, что и нужно, да нет сил с места сдвинуться. Ты уже все-таки наблюдай за ним и, ес(ли) нужно, насядь на него, чтоб поеха(л). У меня все по-старому. Все разъехались,⁵ а А(нна) Е(леазаровна) приехала. Вот мы тут вдвоем и осень, и зиму проводить будем. А на лето, Бог даст, попадем в Россию.⁶

Всего хорошего. Кланяйся от меня и А(нны) Е(леазаровны) Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ А.Е. Березовская-Шестова.

² Издательство «Сирин» находилось в Петербурге на Пушкинской ул., д. 10. Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Шестовым.

³ Р.В. Иванов-Разумник.

⁴ Еще 27 июня 1913 года Иванов-Разумник писал Ремизову: «Заманчиво — ехать осенью к Льву Исааковичу, да вряд ли выполнимо; да и не поможет мне это» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 17).

⁵ В сентябре 1913 года Г.Л. и Ф.И. Ловцкие, которые более двух лет прожили у Шестовых в Коппе, переселились в Берлин.

⁶ 21 июля 1914 года Шестов «покидает Коппе с семьей, чтобы поселиться в Москве. Остановка в Германии. Возвращение в Россию кружным путем через Швецию, так как граница закрыта из-за объявления войны» (Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 252).

77

1/14 Февраля 1914 г(ода)
Corret.

Виноват я пред тобой — очень виноват.¹ долго не писал. Почему — трудно сказать. «Дела» особенного нет, а «вообще» писать трудно, про коппетскую же жизнь рассказывать нечего. Не очень спокойная зима вышла — приходилось разъезжать. А это очень некстати. Хотелось бы на одном месте посидеть — пописать. Хорошо было бы, если бы до отъезда удалось работу хоть вчерне окончить.² Да вот все не выходит. В Берлине без малого 3 недели проторчал — потому большой и неприятный перерыв. Хочется думать, что уже больше не помешают до лета. А 1го Июля — двинусь в Россию³ и, может быть, осенью, если все благополучно будет, и в Петербург попаду: повидаемся.

Книгу твою⁴ в Берлине получил. Спасибо. Хорошо тебя теперь «Сирин» издает. Радуюсь каждый раз, как новая твоя книга приходит.

А как твоё здоровье? Ты тоже уж сто лет мне не писал! Вообще Петербург — если не считать Лун(д)берга⁵ — совсем меня письмами не балует. Только от Ев(гения) Германовича, да по журналам и газетам знаю, что все живы и не слишком уже больны — пишете. Да и то что-то последние дни Ев(гений) Герм(анович) замолк. Может я и сам виноват — тоже долго ему не писал. Теперь уже написал ему и даже отправил письмо. Вот и тебе написать собрался. Ты уже не плати злом за зло — отвечай поскорее. Напиши, как Серафима Павловна. Пошли ей впрок доктора здешние и Карлсбадское лечение? И какие у вас планы на лето? Опять за границу — или уже не поедете.⁶ Поклонись Серафиме Павловне и пиши.

Твой ЛШ

Анна Елеазаровна⁷ очень кланяется и тебе, и Серафиме Павловне: часто вас вспоминает.

¹ Шестов часто употребляет, по-латыни (см. п. 24 и 38) или в собственном переводе, как в настоящем случае, формулу раскаяния в грехах во время исповеди, принятую у католиков — *Mea culpa, mea maxima culpa*.

² Осенью 1913 года Шестов начал писать новую книгу «Sola Fide — Только Верой», однако закончить работу над ней до отъезда из Коппе не успел (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 251—252*).

³ Ср. прим. 6 к п. 76.

⁴ Речь идет о книге Ремизова «Докука и балагурье», выпущенной издательством «Сирин» в 1914 году.

⁵ Е. Г. Лундберг.

⁶ Весной и летом 1914 года Ремизовы вновь предприняли заграничное путешествие. В мае они посетили Италию (Венеция, Флоренция, Рим, Милан). С 25 по 27 мая находились в Женеве, затем (с 27 мая по 5 июня) в Фунэ. С 7 июня по 5 июля — в Карлсбаде. С 5 по 19 июля — в Берлине, откуда окольным путем через Швецию вернулись в Петербург 31 июля 1914 года (см.: *Ремизов А. М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 2*).

⁷ А. Е. Березовская-Шестова.

78

14/27 Апреля (1914)

Опять давно не писал тебе. Не знаю сам, отчего так выходит. Должно быть оттого, что из Сорре¹ писать совсем нечего. Мы теперь больше о переезде думаем и разговариваем. ¹ Июля н(ового) с(тиля) покидаем совсем наши Saubs (?). Что вы на лето делать предполагаете?² Писал, что хотелось бы к Fiandre³ опять. Хорошо бы было — Теперь здесь погода установилась — тепло стало. Напиши только вперед — я за тебя с Фиандрой поторгуюсь или А(нну) Е(леазаровну)⁴ попрошу, авось уступит дешевле. Только хорошо, если бы на весну приехал, а то ведь с ¹ Июля я совсем Коппе брошу. Уже ищут для нас в Москве квартиру.

Напиши поскорее — не смотри, что я долго не писал. И про знакомых напиши. Хотелось бы знать мне, что говорят про книжку Ев(ения) Германовича.⁵ От него едва ли добышь об этом, а мне бы очень интересно было знать, как к ней отнеслись. Что Ив(анов-)Раз(умник)?⁶ Он совсем ни слова не пишет, точно зарок положил. Как-то — давно уже — написал деловое письмо и с тех пор ни строчки. Видел Надежду Сергеевну?⁷ Может в театр пошел «Бесов»⁸ посмотреть? Вот бы интересно было услышать, какая она Варвара Петровна. Одни хвалят — другие бранят.⁹ Авось сподобишься в театр попасть — ты, ведь, и без билета пройдеши, по знакомству, тогда непременно напиши. И вообще, не сердись, напиши поскорее. Привет Серафиме Павловне от меня, и от А(нны) Е(леазаровны) вам обоим.

Твой ЛШ

¹ См. прим. 6 к п. 76.

² См. прим. 6 к п. 77.

³ Владелец пансиона, в котором Ремизовы жили в 1913 году. См. прим. 4 к п. 65.

⁴ А. Е. Березовская-Шестова.

⁵ Имеется в виду книга Е. Г. Лундберга «Мережковский и его новое христианство» (СПб., 1914).

⁶ Р. В. Иванов-Разумник.

⁷ Н. С. Бутова. См. прим. 3 к п. 30.

⁸ Речь идет о спектакле МХТ'а «Николай Ставрогин» по роману Ф. М. Достоевского «Бесы», премьера которого состоялась 23 октября 1913 года. В связи с этой постановкой вокруг творчества Достоевского возникла бурная полемика в печати. Подробнее об этом см.: *Немирович-Данченко В. И. Рождение театра. Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 217—218, 371—372*. См. также отклик на эту постановку И. Н. Игнатова, принадлежавшего к ближайшему окружению Шестова (*Игнатов И. «Бесы» в Художественном театре // Заветы. 1913. № 11. Отд. II. С. 131—138*).

⁹ Ср. мемуарное свидетельство непосредственного участника этой постановки — М. В. Добужинского, который выполнил декорации к спектаклю: «Была замечательна Бутова. Эта монахиня в жизни, с ее строгим лицом и орлиным профилем, на сцене оказалась властной и сильной женщиной и настоящей „дамой“ (...)» (*Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 253—254*).

(4.XII.1914)¹

Псылаю тебе письмоцо Наташи: очень ей твой автограф нужен.² Что у тебя — напиши уже несколько слов — давно о тебе вестей не имею. Кстати, если что о Евгении Герм(ановиче)³ знаешь — напиши. Не знаю, что — но, видно, что-то с ним случилось: вот уже 2 недели ничего не пишет — три моих письма без ответа оставил. Про себя нечего писать: устроились мы уже совсем,⁴ но занятия в голову не идут — все война волнует.

Передай привет Серафиме Павловне и напиши поскорей. Адрес: Плющиха, Новоколюшенин пер. № 14 кв. 3.

Твой ЛШ

¹ Датируется по московскому штемпелю на письме младшей дочери Шестова Наташи (см.: Неустановленные лица. Письма (24) Ремизову Алексею Михайловичу. 1913—1919 и б.д. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 248. Л. 6-6, об.), которое было отправлено Ремизову вместе с настоящим письмом. Получено в Петербурге 5 декабря 1914 года. Петроградский адрес Ремизова (Таврическая ул. № 7) и московский адрес отправителя (Новоколюшенин пер. № 14 кв. 3. Плющиха) на письме дочери написан рукой Шестова.

² Наташа писала Ремизову: «Дорогой Алексей Михайлович! Наверное Вы не ожидали, что я Вам напишу. У меня есть к Вам просьба, пожалуйста, сделайте: тут устраивают базар в пользу бедных детей, в котором будут продавать куклы и разные игрушки, и просят автограф *знаменитых* (Подчеркнуто Наташей Шестовой. — И.Д., А.Д.) людей, и я думаю, что Ваш будет иметь большой успех; напишите, пожалуйста, интересный, и за мою куклу дадут много. Спасибо, я уж никогда не буду, когда Вы будете приезжать, плакать, как я сделала в Соррет. Привет Серафиме Павловне. Целую Вас крепко. Наташа. Пожалуйста, пришлите поскорее» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 248. Л. 6).

³ Е.Г. Лундберг.

⁴ См. прим. 6 к п. 76.

9/XII 1914

Припишу и я несколько слов к письмецу Наташи:¹ много не пишется — очень уж взбудораженное время. Твой автограф произвел впечатление необыкновенное. Наташа рассчитывает взять за него очень дорого, — хотя разобрать его и не легко.² Но, я думаю, тем лучше. Нового у нас мало. Дети зубрят, готовятся в гимназию.³ Я бы хотел заниматься — да дело из рук валится. Видел здесь — и Булл(акова),⁴ и Берд(яева),⁵ и Вяч. Иванова:⁶ у них как-то лучше. Они все о войне говорят, читают, пишут — выходит, что война им дело какое-то все-таки создала. А я о войне ни написать, ни сказать ничего не могу — выходит, что так, без дела, слоняешься.⁷ А(нна) Е(леазаровна) сейчас пошла в больницу — знакомиться: может начнет работать по своей сп(е)циальности.⁸ Словом, все приспособились — только мы с тобой бесприютные ходим. Пиши хоть изредка, и я писать буду. В Москву, верно, не попадешь скоро.⁹

Поклонись от меня и А(нны) Е(леазаровны) Серафиме Павловне, пожелай ей бодрости в работе.¹⁰

Твой ЛШ

¹ Письмо Наташи, адресованное Ремизову, написано 8 декабря 1914 года. Отправлено из Москвы, вместе с письмом Шестова, 10.12.1914. Получено в Петербурге 11.12.1914 (см.: Неустановленные лица. Письма (24) Ремизову Алексею Михайловичу. 1913—1919 и б.д. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 248. Л. 7, об.).

² Наташа, в частности, писала Ремизову: «Очень, очень Вас благодарю за письмо и автограф. Получила его в Воскресение (...) Ваш автограф я показывала очень многим, а прочли его не очень многие, потому что не хватило терпения. В Воскресение утром я отнесла одну куклу с папиным автографом, а в следующее Воскресение отнесу домик и куколку, одетую в крестьянского мальчика, и приложу Ваш автограф. Я попрошу квитанцию, и потом узнаю, за сколько продадут его, и Вам тогда напишу (...)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 248. Л. 7).

³ В январе 1915 года дочери Шестова Таня и Наташа поступили в гимназию Хвостовой (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 138).

⁴ С.Н. Булгаков. См. прим. 2 к п. 1.

⁵ Н.А. Бердяев. См. прим. 7 к п. 1.

⁶ В.И. Иванов. См. прим. 11 к п. 23.

⁷ 17(30) декабря 1914 года Шестов писал своей сестре Софье Исааковне Балаховской: «Работа идет плохо — больше о войне думаю и слушаю, что люди говорят. И мне кажется, что чем меньше говорить, тем лучше. События так грандиозны, что угадать их внутренний смысл сейчас невозможно, да и после невозможно будет. Все, которые говорят — даже патентованные мудрецы, дальше общих мест не идут и идти не могут. Кто поумнее — говорит умно, кто поглупее — глупо. Но все одинаково близоруки и ничего понять не могут, хотя и делают вид, что понимают» (цит. по: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 135). Кроме того, по свидетельству Н.Л. Барановой-Шестовой, обстоятельства складывались в этот период таким образом, что Шестову нелегко было продуктивно работать: «В августе и сентябре он жил в Киеве, „на бивуачном положении“, дожидаясь возвращения семьи из Германии, очень беспокоился и работать не мог. Затем, в Москве, ему тоже было трудно работать: отвлекали волнения, связанные с войной, и не было ни рукописи книги „Sola Fide“, которую он писал в Коппе, ни библиотеки (она осталась в Швейцарии), ни черновых заметок, которые он взял с собой, когда ехал кружным путем из Берлина в Россию, и которые пропали» (Там же. С. 134).

⁸ В феврале 1915 года А.Е. Березовская-Шестова начала работать в одной из московских клиник (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 138).

⁹ Ремизов приехал в Москву только 27 июня 1915 года и пробыл здесь до 6 июля 1915 года (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 3*).

¹⁰ Шестов, вероятно, подразумевает отъезд Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, которая в начале Первой мировой войны стала сестрой милосердия, на фронт в Варшаву вместе с отрядом Евгениевской общины (см. об этом: *Ремизов А. В розовом блеске*. Нью-Йорк, 1952. С. 398). В письме Ремизову от 11 февраля 1915 года М.О. Гершензон также упоминает «о подвигах Серафимы Павловны» и одиночестве писателя в Петербурге (см.: *Гершензон М.О. Письма (8) Алексею Михайловичу Ремизову*. 1913—1918 // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 3).

81

22/VI (1915)¹

Адрес Надежды Сергеевны:² Малая Дмитровка, Успенский пер. № 6 кв. 3. Что же ты о себе, хоть бы два слова написал бы. В кои веки соберешься открытку прислать — и ничего, кроме одного вопроса. Напиши о себе и о С(ерафиме) Павл(овне). У меня нового мало. Мои все у брата А(нны) Е(леазаровны) в деревне,³ а я тут — газеты читаю,⁴ и то не очень много. Всего доброго — Серафиме Павловне и твоим хозяевам привет.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Отправлено из Москвы 23.6.1915 по адресу: Ст(анция) Оленино Моск(овско-) Винд(авско-)Рыбинск(ой) ж.д. село Бобровка Анне Алексеевне Рачинской для А.М. Ремизова. Получено на ст. Оленино 24.6.1915.

² Н.С. Бутова.

³ Во второй половине июня Анна Елеазаровна с детьми уехала на летние каникулы к своему брату, Александру Елеазаровичу Березовскому, в его имение в Симбирской губернии (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 139).

⁴ Имеются в виду А.А. и Г.А. Рачинские. Ремизов находился в имении А.А. Рачинской Бобровка с 21 по 26 июня 1915 года (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 3*).

82

(3.5.1916)¹

Получил твою открытку — за несколько часов до отъезда. Еду в Киев,² вернусь числа 12. Очень рад, что сборник³ состоится. Как вернусь — примусь за статью — «Вячеслав Великолепный».⁴ Беру даже с собой его книги — буду штудировать пока. Постараюсь и сам написать, и кого можно привлечь — и Ев(гения) Герм(ановича),⁵ и

Сем(ена) Вл(адимировича),⁶ и, пожалуй, Вячеслава⁷ и Юргиса.⁸ Как приеду из Киева, напишу и постараюсь к 1^{му} Июня кончить статью — хотя не уверен, может и до 15го затянется. Ну, там видно будет. Всего доброго. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. Отправлено по адресу: Петроград, Песочная д. 8 кв. 3. Ремизов жил по этому адресу с 27 сентября 1915 года (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 3*).

² В Киеве Шестову приходилось заниматься делами «Товарищества мануфактур Исаак Шварцман», а также финансовыми делами матери и других членов семьи, застигнутых войной в Европе и отрезанных от России. 7 мая 1916 года он писал из Киева Ловцким: «Приехал на неделю в Киев посмотреть, что тут делается. Все оказалось как нельзя более благополучно, Миша отлично ведет дела и все здоровы и только бы хотели, чтоб, наконец, удалось уже справиться с немцами» (цит. по: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 142*).

³ Речь идет о неосуществленном проекте сборника «Легион». См. п. 92.

⁴ Имеется в виду статья Шестова о Вяч. Иванове «Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадничества», опубликованная в октябре 1916 года в журнале «Русская мысль» (№ 10. С. 80—110).

⁵ Е.Г. Лундберг.

⁶ С.В. Лурье.

⁷ В.И. Иванов.

⁸ Ю.К. Балтрушайтис.

83

(16.10.1916)¹

Получил твою открытку. Про твою квартиру,² т(о) е(сть) про способы, как ты ее добыл, ходят фантастические слухи. Напиши, как было — чтоб мне точно знать. Напиши тоже подробнее о своих делах — что вообще нужно. Я с Юргисом Казимировичем³ виделся — напомнил ему про гр. Толстого.⁴ Он обещал. — Рукопись⁵ пришла — если только ты подтвердишь, что сборник⁶ готовится, а то мне все не верится — не хочется переписывать. Лун(д)берг⁷ все еще в Архиповке — Осиповке (Черноморской губернии) Туапсинского округа) — так ему и писать нужно. Зову я Раз(умника) Вас(ильевича)⁸ в Москву. Если увидишь его, воздействуй, чтоб ехал непременно. Всего доброго.

Привет Серафиме Павловне от меня и А(нны) Е(леазаровны).

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю.

² С 27 сентября 1916 года Ремизовы жили в доме, который принадлежал отцу поэта Леонида Семенова Д.П. Семенову-Тян-Шанскому, по адресу: Васильевский остров, 14 линия, д. 31, кв. 48 (см.: *Ремизов А.М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6*; здесь же помета Ремизова «30 сент(ября) (водворилсь)»).

³ Ю.К. Балтрушайтис.

⁴ Возможно, речь идет о привлечении А.Н. Толстого к участию в сборнике «Легион». См. прим. 3 к п. 82. См. также п. 88.

⁵ См. прим. 4 к п. 82.

⁶ См. прим. 3 к п. 82.

⁷ Е.Г. Лундберг.

⁸ Р.В. Иванов-Разумник.

84

(27.10.1916)¹

Получил твою вторую открытку — и жду дальнейших известий, чем это все кончится. Непременно напиши. Статью для сборника,² хоть и лень переписывать, начну все-таки готовить. Главное, все почему-то кажется, что из сборника ничего не выйдет. Но, все-таки, пришло. Видишь(ь) ты Разумника Васильевича?³ Напиши, что о нем знаешь.

Беспокоит он меня очень — все ли у него благополучно? У нас ничего нового. Наши кланяются тебе и Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю. В правом верхнем углу помета Ремизова красным карандашом о получении письма: «29 сен(?)».

² См. прим. 4 и 3 к п. 82.

³ Р. В. Иванов-Разумник.

85

9/XII(19)16
Москва.

Вчера днем получил твою открытку, а вечером виделся с Юр(гисом) Казими(ровичем),¹ к(ото)рый вчера же утром вернулся из П(етербург)а. Мы надеялись, что ему удастся повидаться и с тобой, и с Раз(умником) Вас(ильевичем).² А на поверку вышло, что ни тебя, ни его он не мог повидать. Все-таки, он справлялся о тебе, и ему сказали, что ты уже вышел из госпиталя.³ Верно это? Жду известий. Юр(гис) Каз(имирович) повез тебе 400 р(ублей) — думал тоже сам передать, но пришлось поручить кому-то другому. Получил ли ты деньги?

Неприменно напиши и тоже напиши, чем все твои мытарства кончились и как вообще ты себя чувствуешь. Имей в виду, что ты можешь рассчитывать на получение (недели через 3, 4) еще двухсот рублей.

Итак, жду от тебя письма. Не забудь, что можно сообщить о Разумнике Васильевиче. Он о себе ничего не пишет — никак не могу добиться хоть что-нибудь о нем узнать.

Сегодня едет в П(етербург) Семен Владимирович.⁴ Постарайся с ним повидаться и устроить так, чтоб и Разумн(ик) Вас(ильевич) с ним повидался. Его адрес либо у Сева⁵ узнай, либо у Винавера⁶ (у них телефоны есть). И вот еще: сейчас в П(етербург)е моя сестра, С(офья) И(саковна) Балаховская.⁷ Она живет в Европейской гостинице, вместе с С(офьей) Г(ригорьевной) и Евг(ением) Юл(ьвичем) Petit.⁸ Если есть время, хорошо бы тебе и с ней повидаться. Она скоро едет обратно в Киев через Москву. Если бы ты и Раз(умник) Вас(ильевич) с ней повидались, она бы потом мне все о вас рассказала. Постарайся.

У меня ничего нового — и писать о себе нечего.

Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

Сейчас узнал, что Сем(ен) Вл(адимирович) остановится у Винавера, Захарьевская, 25 (есть телефон).

¹ Ю. К. Балтрушайтис.

² Р. В. Иванов-Разумник.

³ 23 октября 1916 года был опубликован Указ правительствующего сената о призыве ратников ополчения на военную службу, под который по возрасту (призыв 1898 года) подпадал и Ремизов. С 24 октября по 6 декабря он находился в Клиническом военном госпитале (2 терапевтическое отделение, палата № 27) (см.: Ремизов А. М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 4). 12 декабря 1916 года Ремизов писал И. А. Рязановскому: «Призванный в конце окт(ября) с(его) г(ода) как рат(ник) опол(чен)ия призыва 1898 г(ода) заключен в воен(ный) госпиталь по ст(атьям) 37 и 65. Прошел „околоток” и городскую комиссию, жду госпитальную» (Ремизов А. М. Письма (56) Ивану Александровичу Рязановскому. 1915—1919 // ГТБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 8). 24 декабря он сообщал тому же адресату: «Выпущен я на волю, но еще билета не получил, по которому отпускаюсь впредь до распоряжения, т(о) е(сть) до первого призыва: чего я только навиделся, сколько жадного хищного мяса в душевной утробе человеческой и скотства людского. Результат хождения моего по ратным мукам — расширение вен (...)» (Там же. Л. 9). Впоследствии эти впечатления были более развернуто описаны в главах «По ратным мукам» и «Между сыпным и тифозным» раздела «Весна-красна» в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж, 1927. С. 20—31). Билет, временно освобождающий Ремизова от воинской повинности, был выдан ему 28 декабря 1916 года (см.: Ремизов А. М. Помесячная роспись... // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 4; см. также Л. 9 и 16).

⁴ С. В. Лурье.⁵ Л. А. Сев. См. прим. 11 к п. 31.⁶ Винавер Максим Моисеевич (1862—1926) — юрист, один из лидеров партии кадетов, видный деятель еврейских буржуазно-националистических организаций. Шестов познакомился с ним в Петербурге в 1899 году (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 40—41). Впоследствии встретался с Винавером в эмиграции.⁷ См. прим. 2 к п. 12.⁸ См. прим. 3 к п. 13.19 $\frac{14}{XII}$ 16 Москва

Грустно все, что ты пишешь.¹ Дай Бог, чтоб хоть на твоём здоровье не отразилось. И почему это у нас все так устроено, что и там, где не нужно, так изводят людей? Никому ни др кого дела нет! Здесь, в Москве, когда Андрею Белому пришлось проделать эту историю² — тоже в таком роде было, как ты про себя рассказываешь. Только у него, к его счастью, скорее прошло. Дай Бог, чтоб у тебя поскорей все кончилось. И, когда кончится, ты мне сейчас (же), пожалуйста, напиши.

А теперь о Раз(умнике) Вас(ильевиче).³ Передал мне Сем(ен) Вл(адимирович),⁴ что ты ему рассказывал. Говорит, что мне, по-твоему, следовало бы приехать. Обдумывал я это всячески. Приехать трудно — а, потом, что я ему скажу? Т(о) е(сть) каким способом я смогу его переубедить? Думал, думал и ничего не выдумал, и, кажется мне, что и выдумать нельзя. Сам-то я вижу, что не так, как бы нужно, он поступает. Но, он уже так связал себя, что разуубедить его нельзя, т(о) е(сть) я совсем и придумать не могу, как его разуубедить. Ведь вот тоже вышло — он написал резкое письмо Гершензону,⁵ резкое и несправедливое. Я ему по этому поводу тоже написал — он и не ответил. Если ты увидишь Р(азумника) Вас(ильевича), узнай, получил ли он мое письмо, и тоже еще раз обдумай и посоветуйся, нужен ли мой приезд и поможет ли он делу. Если нужен, напиши, и я 19го числа тогда все-таки выеду, хотя ехать до смерти не хочется. Напиши тоже, могу ли я, в случае, если бы не нашлось, где остановиться (говорят, что в П(етербурге) нет совсем номеров в гостиницах), прожить у тебя несколько дней — будет ли где поместиться?

Насчет 200 рублей будь спокоен — к первым числам января их получишь. Кстати — был у тебя доверенный Сабашникова?⁶ Он хочет купить у тебя сборник рассказов⁷ — (уже печатавшихся раньше) листов в 10 и заплатить 400 р(ублей). По-моему, это для тебя дело выгодное: все равно их никому не продашь, 400 р(ублей) деньги и Саб(ашников) хороший очень издатель — может, понемногу к тебе привыкнет. Это Мих(аил) Осип(ович) устроил.

Итак, жду от тебя немедленного ответа. Привет Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ См. прим. 3 к п. 85.² Андрей Белый был извещен о призыве на военную службу 20 сентября 1916 года, после чего в течение десяти дней получил трехмесячную отсрочку, а затем, в январе 1917 года, эта отсрочка была продлена еще на два месяца. См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 790.³ Р. В. Иванов-Разумник.⁴ С. В. Лурье.⁵ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик. Состоял в дружеских отношениях с Шестовым, много общался с ним в Москве. Шестов посвятил памяти Гершензона статью-некролог «О вечной книге. Памяти М. О. Гершензона» (Современные записки (Париж). 1925. № 24). Подробнее о взаимоотношениях двух философов см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I и II (по указателю). В парижском архиве Шестова сохранилась значительная по объему переписка с Гершензоном и его женой М. Б. Гершензон, а также переписка Гершензона с Ловцкими. Выдержки из этих писем см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 266—279. См. также: *Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925)* / Публ. А. д'Амелии и В. Аллоя // *Минувшее. Исторический альманах*. Париж, 1988. Вып. 6. С. 237—312. Ремизов

также высоко ценил Гершензона. Ср., например, одно из его позднейших признаний: «Шестов, Розанов, Бердяев, Гершензон. Храню добрые чувства и веселость» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 147. Сохранилось 13 писем Гершензона Ремизову 1907—1912 годов (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 87) и 8 писем 1913—1918 годов (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 51).*

⁶ Сабашников Михаил Васильевич (1871—1943) — московский купец и меценат; организатор, совладелец и фактический руководитель «Издательства М. и С. Сабашниковых» (1890—1930). Подробнее об этом см.: *Сабашников М.В. Воспоминания. М., 1988. С. 172—452.*

⁷ 4 декабря 1916 года Гершензон писал Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло: «М.В. Сабашников согласен издать томик из старых произведений Алексея Михайловича. На этих днях явится к Вам его представитель (вперед позвонит по телефону). Я предложил составить томик из вещей: Крестовые сестры, Покровелная, Галстук, Бибка. Это составит около 10 печ(атных) листов. Продавая право на издание этого тома, А(лексей) М(ихайлович) конечно должен оставить за собою право перепечатывать эти произведения в Полных собраниях своих сочинений. О цене я конечно ничего не говорил. (...) Ежели А(лексею) М(ихайлови)чу мой выбор не понравится, пусть меняет конечно. Я всячески комбинировал, и на этих вещах остановился по различным соображениям, которые было бы слишком долго излагать. Представит Сабашникова — Мстислав Яковлевич Лукин. Как только А(лексей) М(ихайлович) подпишет договор, требуйте тут же все деньги» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 4). Этот издательский проект так и не был осуществлен.

87

(22.12.1916)¹

Получил твое письмо. Сейчас переписываю — сперва для Раз(умника) Вас(ильевича)² (он очень торопит), после — для тебя. К Крещенью, верно, рукопись будешь иметь.³ Рад, что твои мытарства кончились.⁴ Видел Мих(аила) Ос(иповича).⁵ Он говорит, что это ничего, что «Крест(овые) Сестры» уже издаются⁶ — Саб(ашников) возьмет что-нибудь другое.⁷ Мих(аил) Ос(ипович) тут за всех старается. Напиши мне подробнее о Разумн(ике) Вас(ильевиче). Он все обещает — и не пишет, и за него тревожно.

Привет Серафиме Павловне. Анна Елеазаровн(а) и дети шлют вам свои поклоны.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю.

² Речь идет о статье Шестова «Музыка и призраки», которая была опубликована в редактируемом Р.В. Иванцовым-Разумником альманахе «Скифы» (1917. № 1. С. 213—230).

³ См. прим. 4 и 3 к п. 82.

⁴ См. прим. 3 к п. 85.

⁵ М.О. Гершензон.

⁶ Повесть Ремизова «Крестовые сестры» вышла в свет отдельным изданием в Москве в 1918 году.

⁷ См. прим. 7 к п. 86.

88

Москва 29/XII (1916)¹

Говорил с Балтр(ушайтисом):² он обещал прислать тебе стихи для сборника³ и попросить у Толстого⁴ что-нибудь: я сам с Т(олстым) никогда не встречаюсь. Вячес(лава)⁵ в Москве нет: приедет числа 10го янв(аря). Если не поздно — попрошу, может даст что-нибудь. Свое тоже на днях пришлю⁶ — переписываю. А теперь просьба: я пошло тебе сразу и то, что для тебя, и то, что для Раз(умника) Вас(ильевича).⁷ Пожалуйста, скажи ему это и, когда получишь рукопись, передай ему. Я не знаю, куда отправлять рукопись для него: прямо ему или куда. Во избежание путаницы, пошло тебе. И черкни мне на этот счет несколько слов — чтоб мне знать. — Нового нет ничего — в Москве скучно, как во «Власти тьмы» Толстого.⁸ Поздравляю тебя и Серафиму Павловну от себя и от наших с новым годом и желаю, чтоб он был лучше и 16, и 15го, и 14го. Всего тебе добро.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Дата уточняется по штемпелю.

² Ю.К. Балтрушайтис.³ См. прим. 3 к п. 82.⁴ А.Н. Толстой. См. прим. 4 к п. 83.⁵ В.И. Иванов.⁶ См. прим. 4 к п. 82.⁷ См. прим. 2 к п. 87.⁸ Речь идет о пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (1886).

89

(12.1.1917)¹

Рукопись² еще 8го числа отправил с Сем(еном) Афан(а)сьеви(чем) Венгеровым³ Ив(анову-)Разум(нику), чтоб он передал тебе. Неужто еще не получил? Ив(анов-)Раз(ум-ник) что-то не извещает о получении (а я просил известить) — не знаю, не вышло ли недоразумения. Если рукописи еще не получил, позвони Сем(ену) Аф(анасьевичу) и спроси его, в чем дело. Рукописи для тебя и для Р(азумника) В(асильевича)⁴ были в одном конверте. Непременно хоть открытку мне напиши, а то обидно: корпел, переписывал, и вдруг неизвестно, где все. Привет С(ерафиме) Павл(овне). Как здоровье твое? Напиш(и).

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю.² См. прим. 4 к п. 82.³ См. прим. 9 к п. 58.⁴ См. прим. 2 к п. 87.

90

(13.2.1917)¹

Письмо твое М(ихаил) И(ванович)² мне своевременно передал. Не отвечал так долго, п(отому) ч(то) нужно было Юргиса³ разыскать. Говорил с ним: он уже распорядился — и ты получишь 150 р(ублей). И потом, вскоре, еще 100 р(ублей). Так что это дело, наконец, улажено. Ты все-таки подтверди мне получение денег: нужно знать. У нас все по-старому: холода не проходят — слава Богу, что хоть солнца много и солнце теплое, весеннее. Что сборник?⁴ Состоится? Боюсь, что разговорами все кончится — очень что-то уже долго тянется. Пока всего тебе доброго. Напиши, как здоровье твое и Серафимы Павловны. И тебе, и Серафиме Павловне все наши и я низко кланяемся.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю.² М.И. Терещенко. См. прим. 1 к п. 62.³ Ю.К. Балтрушайтис.⁴ См. прим. 3 к п. 82.

91

(13.3.1917)¹

Получил твои открытки, видел Белого² и других, приехавших из П(етроград)а, и знаю, как там у вас было.³ У нас — ничего подобного: все прошло легко и спокойно. И теперь, хотя мы живем «на честное слово», как сказал один мой знакомый, но в Москве порядок отличный. Бог даст, наладится все: только бы на фронте держались, а дома устроимся. — Кроме тех 150 р(ублей), к(ото)рые ты от Юргиса⁴ получил, я надеюсь скоро еще рублей 50—60 получить (последние) и, как получу, так сейчас и вышлю тебе. Пока всего доброго. Не забывай хоть открытки писать. Серафиме Павловне — привет.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю.

² Андрей Белый. См. прим. 6 к п. 3.

³ Шестов имеет в виду Февральскую революцию.

⁴ Ю.К. Балтрушайтис.

92

24/IV.(19)17. Москва¹

Что это ты замолк? Все ли благополучно? Вообще из Питера мало пишут — хотя вы там историю делаете. Дай весточку о себе. Тоже напиши, что ты с моей статьей² сделал? Должно быть «Легион»³ не выйдет. Ты бы мне ее вернул. Сейчас разные сборники «в пользу» выходят — спрашивают статьи, а у меня ничего нет и не пишется. Так что, ежели уже есть статья, следовало(о) бы отдать. Пришли. Наши все шлют, вместе со мной, привет тебе и Серафиме Павловне.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. На обороте, возле адреса, карандашная помета Ремизова о получении: 27 IV.

² См. прим. 4 к п. 82.

³ Неосуществленный сборник, который обсуждался в письмах Шестова к Ремизову с мая 1916 года (см. п. 82).

93

Москва 27 июня. (19)17.¹

Приехал из деревни² (прожил 4 недели) и получил твое письмо. Д(аниил) Гр(игорьевич)³ сейчас в Киеве, но насчет того, может ли он тебе с бинтом помочь, ничего не могу сказать. Как это ты отваживаешься в такое время колесить по всей России?⁴ Сидел бы уже в деревне! Мы все сидим. Я бы и из Москвы не выезжал, да А(нну) Е(леазаровну) выслали⁵ — нельзя не слушаться. Опять поеду — недели на 4, 5. Пиши в Москву — перешлют.

Нового у меня нет ничего. Пишу популярные брошюры и статьи.⁶ Статью у меня взяли, а брошюру что-то не берут. Должно быть не нужно — плохо что ли написана. Выходит, что не всякому дано свой долг гражданский исполнить. Я ведь только для долга и писал. Отчего бы тебе не написать? Если удастся и много разоидется экземпляров, большие деньги получишь. Тут люди по 1 1/2 тысячи рублей за лист получают. Ведь ты бы мог простым, ясным языком написать, чтоб поучительно было?

Что ты с моей статьей сделал?⁷ В(арвара) П(етровна)⁸ никакого сборника не издает, а ты вот ей отдал статью! Беда с тобой, дело иметь — непременно напутаешь.

А в Москве эсеры нас побили всех (—) и кадетов, и эсдеков, и большевиков. Видно, нужно записываться в эсеры! Они и не злые (—) не то, что эсдеки. Говорят, будут всех к себе на службу брать и жалованье платить. У богачей возьмут и платить будут. Кланяйся Сер(афиме) Павловне. Скоро всем очень хорошо будет.

Твой ЛШ

¹ Под датой простым карандашом помета о получении письма, вероятно, принадлежащая Ремизову:

$\frac{30VI}{6VII}$. В левом верхнем углу той же рукой: «Ш», то есть «Шестов».

² Лето 1917 года (более двух месяцев) Шестов провел вместе с семьей в имении друзей С.В. Лурье Машковцевых (Захаринское почтовое отделение, Каширский уезд, Тульская губерния). См.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 154—155.

³ Д.Г. Балаховский.

⁴ В конце мая 1917 года Ремизовы уехали к дочери в село Берестовец Черниговской губернии, затем приехали в Москву, откуда отправились, как и в прошлом году, в Эссентуки (в санаторию доктора Зернова). Затем через Москву они вернулись в Петроград. Это путешествие Ремизов подробно описал в книге «Взвихренная Русь» (Париж, 1927. С. 99—205; главы «В деревне» и «Москва»).

⁵ Вероятнее всего, выражение «выслали» носит шуточный характер.

⁶ О каких именно статьях и брошюрах идет речь, установить не удалось. Осенью 1917 года в журнале «Вопросы философии и психологии» была опубликована отнюдь не «популярная» статья Шестова «Memento mori. По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля» (№ 139/140. С. 1—68).

⁷ См. прим. 4 к п. 82.

⁸ В.П. Малахиева-Мирович.

⁹ Шестов имеет в виду значительный количественный перевес эсеров в московском и петроградском Советах рабочих и солдатских депутатов, а также в Советах крестьянских депутатов.

94

Москва 19 $\frac{25}{X}$ 17¹

Не знал уже, чем объяснить твое долгое молчание. Думал, не сердит ли уже ты на меня за что-нибудь: теперь такое время наступило, что все на всех за что-нибудь сердятся. Ну, а вышло хуже: вышло, что у тебя было воспаление легких и 40⁴! Теперь это, действительно, не очень кстати! Как то вы там устраиваетесь в таком ужасном положении? И в Москве трудно — но все-таки не так, как у вас. Можно из другого города, из деревни добыть кой-чего. А в Петербург — откуда привезти? И еще предстоящая эвакуация!² Правда, мне не верится, что немцы придут к вам — они не меньше нас замучались, но все-таки, ведь, страшно. Вы что предполагаете делать? Уедете или не станете с места трогаться? Сем(ен) Вл(адимирович)³ сейчас в П(етербурге). Живет он у Винавера:⁴ позвони к нему. Скажи, что я тебе советовал к нему позвонить. Он все-таки, в трудном случае, может выручить: Как твои материальные дела? Верно, плохи. Между прочим, мне следует получить с Лемке⁵ за статью в «Скифах» 100 р(ублей).⁶ Обещали в конце сентября прислать — до сих пор не шлют. Скажи Раз(умнику) Вас(ильевичу),⁷ чтоб он получил — и возьми их, если тебе нужно, себе. Может даст аванс за вторую статью⁸ — тоже тогда возьми себе: наверное, без денег сидишь. И, вообще, напиши о своих материальных делах: если туго очень приходится, я подумаю, может что придумаю.

У нас жизнь, как и везде, постылая. Будущего видеть и предчувствовать не умеем, а настоящее отвратительно. Все обозлились, ходят точно цепные псы, друг друга хотят в ключья рвать. И что день, то хуже. Верно, и в Европе, особенно в Германии, не много лучше, чем у нас: но утешения в этом мало. Будь здоров и пиши почаще. Если С(емен) В(ладимирович) придет в Москву (он собирался) я с ним о тебе поговорю. Привет Серафиме Павловне от всех наших. Твой ЛШ

¹ В левом верхнем углу карандашная помета Ремизова о получении письма: 27 X 1917.

² Шестов имеет в виду слухи об эвакуации в связи с предполагавшимся наступлением немцев на Петроград.

³ С.В. Лурье.

⁴ См. прим. 6 к п. 85.

⁵ Лемке Михаил Константинович (1872—1923) — историк русской литературы и общественного движения; сотрудник многих «толстых» журналов: «Былое», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир Божий» и др. Сотрудник редакции альманахов «Скифы».

⁶ Имеется в виду статья Шестова «Музыка и призраки» (см. прим. 2 к п. 87). Текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Ремизовым зеленым карандашом.

⁷ Р.В. Иванов-Разумник.

⁸ О какой именно статье идет речь, установить не удалось. В альманахах «Скифы» была опубликована только одна статья Шестова — «Музыка и призраки» (см. прим. 2 к п. 87).

95

Ки(ев)
7/20 Мая (19)19¹

Получил твое письмо от 2/V только сейчас: долго теперь письма ходят. Слава Богу, что вы продержались зиму!² Как-то дальше будет, одному Богу известно. У нас здесь тоже очень трудно³ и с каждым днем труднее. Я читаю введение в философию в

народном университете.⁴ Слушателей много, работы у меня пропасть — но жалованья ни за апрель, ни за май не платили ни мне, ни другим преподавателям.⁵ Предлагают еще одно место — в ученом комитете при всеукраинском издательстве.⁶ Авось там будут аккуратней платить. Хотел издать книгу⁶ (у меня новая книга готова) — нет издателей. И все в таком роде: очень биться приходится. А(нна) Е(леазаровна) в двух местах служит, но тоже жалованья все еще не дают. Дороговизна же ужасная. С квартирами тоже очень плохо: пока живем, но что будет завтра — неизвестно, т(ак) к(ак) все время здесь происходит огромные выселения. У нас квартира битком набита, но это не обеспечивает от выселения;⁷ верно, и вам, если приедете, в этом отношении очень трудно придется. Сказать что-либо определенное вперед совершенно невозможно. Может и найдете квартиру, а может и не найдете. Квартирный вопрос здесь так труден, что многие, кому удается, стремятся в Москву или Петербург. Если бы у меня и А(нны) Е(леазаровны) в Москве была обеспечена работа, мы бы тоже постарались туда уехать. Но здесь все-таки есть надежда на заработки, а в Москве никаких надежд нет. Вот в каком положении здешние дела сейчас. У вас хоть то хорошо, что вы можете книги свои издавать. Если будет случай, узнай у Горького, не возьмет ли он у меня книгу мою новую.⁸ Называется «о корнях вещей»,⁹ в ней 12—14 печатных листов (по 40.000 б(укв)(?)) состоит из предисловия и трех частей. Часть 1^а власть ключей, 2^а самоочевидные истины, 3^а Идеи. Вся уже печаталась в журналах и сборниках, кроме предисловия. Если бы Горький взял, мне было бы большое облегчение, ведь теперь за лист платят, говорят, по 1500 р(ублей) — было бы 20—18 тысяч, немного, по теперешним ценам, но все же на 5—6 месяцев существования, если будут хоть часть жалованья выплачивать. Очень буду тебе благодарен, если ты это дело устроишь. Говорят, что Горький у всех берет книги и хорошо плотит. А то может он все мои сочинения согласился бы переиздать? Тогда бы я совсем вздохнул свободно. Попробуй с ним потолковать! Всего тебе доброго. Привет Серафиме Павловне от меня, А(нны) Е(леазаровны) и от всех наших.

Твой ЛШ

¹ Рядом с датой карандашная помета Ремизова о получении письма: 29 VI 1919.

² Тяжелый быт зимы 1918—1919 годов Ремизов описал в книге «Взвихренная Русь» (Париж, 1927. С. 313—382; главы «Окнища» и «Загородительные вежи»). Ср., например, следующий пассаж: «Зима 19-го года была самой лютой не по морозу, — эка, морозы-то и не такие бывали! — а потому что топить нечем было. Продавать же дрова нельзя — запрещено: дрова, как хлеб, товар „нелегальный“. Само собой и покупать не разрешалось, за это тоже: попадешься, не обрадуешься! Но ведь, когда холодно, тут ни на что не посмотришь! У кого деньги были или запасы всякие, что можно было продать или на обмен, те и хлеб и дрова доставали: за деньги все можно. (...) „Богатые“ — всякими правдами и неправдами за деньги или, как говорилось, „через преступление“, простые же люди — через „учреждения“, ну, всякий, хоть сколько-нибудь, да добывал себе дров. А я и служил и тоже к учреждениям имел всякие отношения, но мне не везло: наобещать наобещают, да только этим и будь здоров!» (Там же. С. 322—323).

³ В начале июля 1918 года Шестовы покинули Москву и переехали в Киев. Подробнее об этом периоде жизни философа см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 159—169.

⁴ 25 мая 1919 года Шестов сообщил матери: «Я здесь устроил себе хорошую работу — читаю лекции в народном университете, состою (...) тов. председателя ученого совета при народном университете, читаю доклады и публичные лекции и т.д.» (цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 165). В парижском архиве Шестова сохранилась рукопись курса «Основные философские проблемы в историческом освещении» (от Платона до Декарта), прочитанного в народном университете осенью 1918 года, а также машинопись курса из восьми лекций «История греческой философии» (от Фалеса до эпикурейцев), прочитанного в зимний семестр 1918—1919 годов (см.: Там же. С. 166).

⁵ Шестов состоял членом ученого комитета по изданию философских книг при философском отделе «Всеукраинского книгоиздательства». См.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 165.

⁶ Речь идет о книге «Власть ключей» (Берлин: «Скифы», 1923), в которую вошли работы Шестова 1916—1919 годов.

⁷ В Киеве Шестовы поселились в квартире С.И. и Д.Г. Балаховских, которые осенью 1918 года уехали в Одессу. Вскоре к ним присоединился Н.Л. Слонимский, а с января 1919 года в той же квартире жили вдова и дети композитора А.Н. Скрябина и некоторые другие знакомые, что, однако, не спасало Шестовых от постоянной угрозы «выселения» или «уплотнения». Подробнее об этом см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 159—164.

⁸ Очевидно, до Шестова дошли сведения о том, что Горький, используя свою близость к новым властям, оказывал в этот период материальную поддержку нуждающимся писателям, в том числе, привлекая их к участию в ряде издательских начинаний.

⁹ Имеется в виду работа Шестова «О корнях вещей», законченная в Киеве в октябре 1918 года, которая вошла в его книгу «Власть ключей» (см. прим. 6 к наст. п.). Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Ремизовым карандашом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 *

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ.

О ЛЬВЕ ШЕСТОВЕ.**

Не царям, Лемуил, не царям пить вино, и не князьям — сикеру... Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душою; Пусть он выпьет, и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании (Кн. Притч. Сол. 31, 4—7).

I

Книгоиздательство «Шиповник» выпустило в свет второе издание произведений Льва Шестова, — шесть томов, все, что этот писатель создал в течение пятнадцати почти лет литературной работы. Пятнадцать лет — срок немалый, а второе издание прекрасный повод подвести кое-какие итоги. Возможно, что этим займется, раньше или позже, литературный критик. Однако, это не мешает рядовому читателю, может быть, лишь более внимательному, чем другие читатели данного автора, сказать свое слово: ибо, если не обманывает память, литературная критика до сих пор не обмолвилась о том, на что рассчитывает указать читатель.

Ни исчерпывающего очерка, ни цельной «характеристики» (вообще нелепейшая из задач критики) я не рассчитываю дать. Только несколько черт. И почти без внешней связи. Последнее, конечно, не из подражания «афоризмам» и «принципам» самого Шестова (см. предисловие к «Апофеозу беспочвенности»), а в силу необходимости: связности требовать от читателя нельзя, связность выше его сил.

II

Мне хочется начать свои заметки указанием двух благороднейших черт Шестова-писателя и Шестова-мыслителя: как писатель, он чрезвычайно сдержан; как мыслитель, он обладает даром удивления.

Вдохновение этого писателя отличается упорной и глубокой тревогой. Иногда тревога растет до пафоса, очень своеобразного и сурового, ибо пафос восторженный совершенно чужд его природе. Но как тревога, так и пафос, не связаны с ближайшими, так сказать, корыстными движениями его души. Страх смерти, борьба за свои права, удивление великим людям и их страстям, все радости и печали уже не ладья, на которых он посещает различные страны: они лишь паруса и ветры, несущие его ладью, ладью исследователя и писателя, — и он не жалуется на поражения, не ликует от неудач, не стонет от боли, а, подавляя в себе «человеческое, слишком человеческое», подхватывает собственные радости и муки руками и кует из них орудия познания, растягивает их, как паруса, окрыляет ими свой бег в неизвестную страну. В книге о Шекспире еще проглядывает страшно взволнованное человеческое лицо. В книге о «Добре» (II том)

* Приложения 1 и 2 см.: Русская литература. 1992. № 2. С. 156—169.
 ** Впервые: Речь. 1911. 31 июля (13 авг.). № 207. С. 2—3.

еще видно, что человеку трудно выпрямиться и высоко поднять голову. Но начиная с «Философии трагедии» и до последних статей перед вами — напряженные черты держащего мыслителя. Искусство ли притворяться тому виною, или «*amog fati*» (перемирие ли он перед большой битвой, или смутное доверие к року) дал подобную силу, трудно сказать. Былая сдержанность стала скованностью. Душевные бури изгнаны со страниц книги. Где-нибудь в другом море им, быть может, даны и права, и свобода. Здесь же они играют лишь роль дров для освещающего тьму костра.

Дар удивления сопровождает Шестова во всех его скитаниях. Рядом с этим даром я бы назвал еще громадную способность благоговения, чувство святости, но, во-первых, не хочу показаться парадоксальным, приписывая подобные черты «скептику», во-вторых, подобные заявления завели бы меня слишком далеко. Не ровен час, Льва Шестова пришлось бы назвать более «религиозным», чем большинство наших богоделателей по ремеслу.

Шопенгауэр делит писателей на три категории. Первые покорно излагают мысли своих учителей. Вторые думают сами, но под влиянием чужого опыта и книг. Третьи думают, черпая силу и материал из действительности — на свой страх. Шестов принадлежит к третьей категории писателей. Его умение «удивляться» дало ему возможность находить богатства там, где другие либо не видят ничего, либо с отвращением зажимают нос. Не думаю, чтобы эта способность далась ему даром. Он пребывает на окраинах жизни, он одержим тяготением к «проблематическому», но это не значит, что проблематическое он видит *только там*, где гремят бури и воем вьюги. Если я правильно понимаю движения его духа, Шестов не по своей воле попал на «окраины жизни», к «концам и началам» бытия (см., напр., предисловие к «Философии трагедии»), — он попал туда, точно злая мачеха отдала его в трудную школу, когда никто не идет добровольно в науку. Он и посейчас в этой школе, ибо учению в ней нет конца, и люди, пробывшие в ней десятилетия, очень мало чем, кроме сдержанности и терпения, отличаются от тех, кто только что в нее вступил. Но когда он из этой школы возвращается на побывку к «середине», к дням от ночей, к обыденности так называемой от трагедии, — он видит, благодаря усвоенным знаниям, что «обыденности» — то никакой на самом деле и нет, как нет в мире ни прочности, ни устоев, ни истины, ни идей. Всякая прочность, всякое человеческое предпочтение, установление и законы не менее проблематичны, чем тяга к беззаконию, чем вкус к легкой пляске, или преданность беспочвенности. Может быть, прочность, закон и правда, чудо их установления и власти еще более удивительны и требуют неусыпной человеческой пытливости и мудрости, чем обратные явления. То бывало (в «школе») только ночью, «разверзались зеницы, как у испуганной орлицы», — теперь же и днем все не менее странно. Значительна борьба Макбета с долгом и его приспешниками. Но не менее непонятно, как мог Юлий Цезарь, такой же бедный, как все мы, челнок над бездною времен, так ослепнуть и оглохнуть, занявшись одним только своим величием. Нужно прислушаться к тому, что шепчут гении, когда для них наступит «страстная седмица» («Великие кануны») их жизни, но нельзя не заметить и «среднего» человека (да полно, есть ли «средние»?), чеховского героя, Ивана Ильича, притом *не только этих, потерявших целостность*, — нужно пожить с Николаем Ростовым и со Скупым рыцарем, с разочарованием первых и уверенностью вторых, ибо *все эти явления*, если отвлечься от привычек наших и предубеждений, *равно* не укладываются в рамки трех измерений. Для Шестова середины, как середины, уже нет: с широко раскрытыми глазами бредет он по взрытой сотрясениями земле, и чудо для него — не чудо, обычное — не обычное.

III

Шестов — не проповедник, он не зовет за собою и ничего не обещает. Напротив, книги его написаны так, чтобы отпугнуть читателя от его задач. Учеников у него быть не может; школы также. Почему? Я сознательно сделаю свое объяснение очень грубым. Шестов так сближает свою подвижную философию в ее проявлениях, в ее рисунке — не творящей, двигающей сущности — с подсознательным, как, напр., связано с ним пение, человеческое или птичье. Рисунок его философии может изменяться в зависимости

*** любовь к судьбе (*лат.*).

оглушенный человек, и очнулся в незнакомой обстановке: все новое, все чужое, возврата на родину нет. Тут и пришлось начать творчество из ничего, подобное тому, которое пережил Адам, нарекая вместе с Господом имена растениям и животным в раю. Только Господа Бога здесь не было, а была безнадежность. По мере того, как имена нарекались, писались книги, как воспоминания о свершенном. «Апофеоз беспочвенности» был знаком того, что человек освоился в своей пустыне. В «Великих канунах» мне чудится начало возхождения на холм, откуда уже можно оглянуться вокруг себя, откуда видны окрестности и силуэты обитателей неизвестной, роком сужденной страны. Уместны ли в таком случае разговоры о движении? Ведь здесь, когда человек, очнувшись, впервые поднял глаза и повернул голову — это движение равнялось по меньшей мере одному дню творения.

V

Глава «Седьмой день творения» и статья о Льве Толстом «Созидающий и разрушающий миры» — одни из самых блестящих страниц его творчества. Тема их — сравнительно новая у Шестова тема, точно перегиб в сторону утверждений. Во всяком случае, в первых трех его книгах я не находил ее. Здесь он пытается подстеречь и напасть врасплох на таинственную человеческую способность — творить во что бы то ни стало, и творя, сменять личины. Даже если человек «убедится», что он может создавать только заблуждения, что он сменяет «ничто на ничто», он не может остановиться — и продолжает в свое время сбрасывать личину, в свое время сверкать новой, но каждый раз ему вовсе не кажется, что новая лучше старой. Рискую сказать слишком много, грубо пригвоздив к бумаге скользящую его мысль: так соблазнительно предположение, что истина нам не дается, как корм, как дичь или готовое для пахоты поле, с которого нужно будет в свое время собрать жатву, но что она город, который нужно построить, построив, бросить и начать строить другой.

VI

Шестова называют пессимистом и скептиком. На стр. 119 книги «Начала и концы» читаем:

«Я не выражаю солидарности с существующими философскими системами и смеюсь над их самоуверенной торжественностью победителей. Но, господа, разве это значит быть скептиком? Правда и то, что я не считаю наш мир самым лучшим из возможных миров. Мне, действительно, кажется, что он мог бы быть лучшим. Т.е. собственно говоря, внешний мир мне очень нравится. Я люблю и день, и раннее утро, и сумерки, и глубокую ночь. Чудесны высокие снежные горы и зеленые долины. А как хороши безлюдные каменистые пустыни в Альпах! Даже зимняя метель и бесконечный осенний дождь имеют свою прелесть!.. Словом, во внешнем мире мне все, или почти все нравится (сейчас вот даже не могу припомнить, что есть в нем дурного). Только человека обидела природа. Ему бы следовало быть умней, красивей, добрее, даровитей, богаче...»

Разве это язык скептика и пессимиста? Но мало того. Оптимистами считаются люди, верующие в прогресс, в труд, в социальные инстинкты, в человечество, в воскресение мертвых или вечную молодость. Если одна из этих вер потеряна, принимаются за другую, и она помогает: рука руку моет. Если же нарисовать оптимисту момент, когда все перечисленные и неназванные блага умрут, он либо не поверит, либо предпочтет смерть (я, конечно, о духовной только смерти говорю, но есть люди, которые не испугались бы и конца концов). Таким образом, источники своей силы оптимисты видят в названных благах. А вот Шестов не только не чувствует благости этих благ, он даже утверждает, что у нас нет никаких данных надеяться на то, что столь желанная истина дастся в руки или на то, что она непременно соответствует нашим вкусам и надеждам; он полтора десятка лет или более живет в обществе обреченных и отчаявшихся и не только не зовет смерти, но продолжает бороться, то взрыхляя землю, то пытаясь взобраться на гору. Это ли не оптимизм, это ли не юношеская гибкость и обнадуженность? Все-таки подобная бодрость испугала бы юношу, жадного до славы, счастья и земных дел. Но ведь на земле не одни юноши, и не они прозвали Шестова нигилистом и гробкопателем.

VII

Скептицизм Шестова — это не зыбкий страх перед действительностью, научающий человека бояться опасностей. Напротив, Шестов на опасности смотрит доверчивее, а его скептическая усмешка направлена всегда против устойчивости и прочности, конечно, не как явлений действительности, а как узаконенного разумом и корыстью порядка, вне которого только прах и тлен. «Закономерность, неизменная закономерность явлений полагает предел нашим стремлениям... Мы должны зорко глядеть себе под ноги и на каждом шагу останавливаться, ибо малейшая неосторожность в жизни грозит нам гибелью. Но ведь мыслима и иная жизнь. Жизнь, в которой слово гибель не существует... а стало быть, есть бесконечное количество возможностей. Там чувство страха — позорнейшее чувство — исчезает... Бесстрашие перед опасностью и щедрость, даже расточительность... Тогда безумно расточающий свою и чужие жизни и благосостояние, даже свое дарование, свой гений человек правее рассчетливых философов, тщетно ищущих устройства человечества на земле» (стр. 62—63 «Ап(офеоз) бес(почвенности)'). И еще: «Я не знаю, что заставит скорее человека идти без оглядки вперед — сознание, что за спиною осталась голова Медузы со страшными змеями и опасность обратиться в камень, или уверенность, что за ним прочность, которая обеспечивается законом причинности и современной наукой» (стр. 86 «Ап(офеоз) беспочв(енности)'). Он предлагает «сделать» скептицизм творческим началом; в великой жадности к разнообразным отраслям жизни, к опыту на крайних ее точках завидует, вероятно, переменчивому образу Протея. Ему хочется то тесно прижаться к земле, то взглянуть на нее с птичьего полета, чтобы преодолеть власти тысячи привычек и предвзятостей. Таким образом, возникает предположение, что все идеи и мнения, в которых нас воспитали и в которых до старости нас держит общественное мнение, — лишь «шоры», сузившие горизонт, лишь помехи для пытливого взгляда. То, что передается из поколения в поколение, должно быть преодолено. Важно увидеть человека в его первозданной невинности. Но таких экземпляров уже не найти. Тогда Шестов ищет всех, у кого убеждения и идеалы или надежды почему-либо умерли, кто должен часто на пороге старости начинать сызнова строить: у Шестова развивается вкус к *метаморфозам*, переживаемым душами, к хождениям по страстям. Когда он говорит «да скроется свет и да здравствует тьма» — дело не в том, чтобы с кафедры призывать тьму: но либо попадутся люди, выросшие во тьме, и он узнает, как же они глядят на мир; либо отзовутся люди, перешедшие из дня в ночь, и он станет свидетелем *«перерождения убеждений»*.

Тростник, колеблемый вихрем, легко поддается. Чем крепче врос в землю дуб и чем шире раскинулся, тем опаснее для него бури и тем злее борьба. Понятен вкус Шестова к могучим индивидуальностям, подобным Шекспиру и Толстому. Он очень внимательно слушал и Достоевского, но той любви, какую вы слышите, когда он упоминает первых двух или Ницше, не чуешь. Также неохотно и мимоходом касался он Гоголя. Он предпочитает тех, кто, нося хаос в душе, делает вид, что устойчив и спокоен, кто, подобно Ибсену и Толстому, не уходит в подполье весь, а, роясь в нем по ночам, продолжает днем делать свое, тоже «Богом данное» дело. Шестов не моралист и везде, во всяком акте готов он заподозрить значительность, хотя бы его собственные вкусы увели его далеко в сторону.

VIII

«Résigne - toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute», **** — цитирует Лев Шестов. Быть может, большая любовь к противоречиям побудила его прославлять сон и резиныацию? Такой исход — на несколько лет — возможен, см. анализ «Войны и мира» в «Добре» и страницы, посвященные Л. Толстому в «Философии трагедии». Но в таком случае не следовало прибавлять это многозначительное слово «de brute». Как в евангелии есть «спящие от печали», так здесь есть «спящие от отвращения». Такой сон не противоречит их же собственным уверениям в бессоннице (см. «Победы и поражения»). Отвращение бессилия и сна, как едкий яд, льется на действительность и

**** Смирись, мое сердце, и спи твоим тяжким сном (фр.).

собственную душу и разъедает основы тканей. «Постепенно воцаряется грозное вечное молчание кладбища. Все безмолвно сходят с ума, понимают, что с ними происходит и решаются на последнее средство: навсегда затаить от людей свое горе и говорить обыденные незначащие слова, которые принято считать разумными, значительными, светлыми даже».

IX

Я уже говорил, что смутные надежды влекут Шестова прочь от мирной жизни к опасностям. «Нередко под опасными и грозными поступками, — говорит он, — кроется нечто значительное и важное, что следовало бы внимательно и сочувственно рассмотреть» (стр. 61 «Ап(офеоз) (еспочвенности)'). Он занимается не только исключительными положениями Лира, Гамлета, Макбета, но и теми законами человеческих превращений, которые мы перестали уже замечать. Такова старость. «Скупой безобразен, как его ни рассматривай — снаружи или изнутри. И все-таки не следовало бы Гоголю учить сохранять в старости идеалы юности. Коли есть старость, нечего ее исправлять и еще меньше извиняться за нее. Нужно принять ее и стараться подсмотреть, в чем ее сущность». Таковы случаи помешательства, напр., два «обратных симулянта» Ницше и Достоевский, больные люди, притворяющиеся здоровыми. Или случаи полной растерянности, когда человек «начинает думать», а ведь «думающий человек есть прежде всего человек, потерявший равновесие в будничном, а не трагическом смысле этого слова. Растопыренные руки, болтающиеся ноги, испуганное и наполовину бессмысленное лицо, словом самая карикатурная и жалкая картина беспомощности и растерянности». Или отклонения от установленных норм, которые, как неожиданно повернутая вверх ногами загадочная картинка, вдруг освещают разом — и нормы с покорностью им, и себя самих, т.е. уклонения и уродства.

«Ведь опасность это дракон, который приставлен ко всему, что бывает важного, значительного и заманчивого на земле. И ведь затем, — как человек ни оберегайся, судьбы ему рано или поздно не миновать» (стр. 147). Ибо, «если судьба — есть, говорят, такой закон — казнит преступников, то она имеет свой суд и для любителей добра. Первых она давит, вторых оплевывает. Первые кончают мучительными пытками, вторые — позором».

Таким образом, отвращение к мирной, протекающей согласно законам и традициям стороне действительности может быть мотивировано следующими причинами. *Случай* выбил мыслителя из колеи и перебросил его за пределы страны мира, так далеко, что она осталась в его воображении только воспоминанием. Возвратившись к ней, мыслитель не узнает ее: о мире говорят только его законы и идеалы, сама же действительность по «*середине*» расплывается по нитям, каждая нить тянется к «концам и началам», так что посредине, пожалуй, только и остаются, что законы, имена добродетелей и надежды на покой, сама же действительность оказывается сотканной на основе «крайностей». Чем более растет внимание к действительности, тем злее ненависть к законам о сохранении мира и «середине», ибо они оказались лишь отводом глаз, обманом над вечно изменчивой действительностью. Если «концы и начала» снесли и разметали теплое гнездо человеческого покоя, если гнезда уже нет и не будет, то что ему остается, как не идти вперед, навстречу непогоде и, прибывнув в новом положении, искать для него разгадки. Попав в страну чудищ, где каждое угрожает гибелью, поневоле идешь к страшнейшему. И когда уже нечего терять и страх, и соображения самосохранения притупились, приходит в голову мысль, что, может быть, как раз самое страшное, царь чудовищ, стережет не только гибель, но и клад: обойдешь его и клад дастся в руки. А может быть, клад так дивен, что стоит ради него попасть в утробу губителя, и хотя в его утробе и его власти вместе с ним приблизиться к кладу и стеречь его, и услышать хотя звон его металлов и камней. Другими словами: «*Нужно, чтобы сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы самое существо нашей жизни* (Курсив Л. Шестова). Ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия. Слабый, неокрепший дух не способен к слишком быстрым переменам; ему всегда нужно осматриваться, приходиться в себя... Но созревший презирает эти костыли... Приходят несчастья, болезни, старость — и страх, который мы хотели отогнать от себя, делается постоянным спутником нашей жизни... И тогда мы замечаем, что он не только пыгает нас, но вместе с нами, и за нас, делает странное, непривычное дело: негрызает все

нити, которыми мы были привязаны к прежнему существованию. Нам кажется иногда, что еще несколько мгновений, и нас ничто не в силах будет больше удержать, что осуществится вечная мечта пресмыкающегося человека: он освободится от тяжести и уйдет далеко от проклятой земной юдоли». И дальше: «Лучшее в жизни очень трудно достижимо... Пути к хорошему опасны... Нельзя ли сделать в виде предположения, по крайней мере, и обратного заключения, то есть, что за всякой опасностью кроется благо... и, — заключать, так заключать, — величайшая из опасностей, т.е. смерть, должна быть потому наиболее многообещающей!»

И с волнением и странным трепетом чуть ли не любви, рисует Шестов образ гусеницы, обратившейся в куколку, пожившей всласть в этом уютном мире и, наконец, в согласии с темной душевной тревогой начавшей прогрызать свою шелковую оболочку. «Если бы другие гусеницы могли видеть, каким ужасным делом она занимается, они, наверное, возмутились бы до глубины души, назвали бы ее безнравственной, безбожной, заговорили бы о пессимизме, скептицизме и т.п. вещах. А до того, что у гусеницы выросли крылья и что она, перегрызши свое старое гнездо, вылетает в вольный мир нарядной и легкой бабочкой — нет никому никакого дела» (стр. 72, 91, 202).

Что это, уверенность или предположение? Ответим на вопрос словами самого Шестова: «Предчувствие ли это или галлюцинация измученной души?» — т.е. на вопрос вопросом же.

В этом пункте для большинства самое сильное противопоставление против философии Шестова. Что у него есть? Ничего. А ведь ясно, чем-то он да живёт, чем-то питается, находит даже время и настроение для своего ядовитого Galgenhumor'a.**** Здесь величайший соблазн. Но нужно помнить следующее.

Язычники обвиняли первых христиан в том, что те исполняли веления Бога по *первому* его указанию: по сну, совпадению, или слову священника. Язычники же ждали обыкновенно подтверждений — в гаданиях, снах или оракулах — даже богам не доверяли с первого слова. К Шестову и всем близким ему по духу мыслителям следует относиться так же, по-язычески. Пусть себе пробуют! Если что-нибудь найдут, быть может, найденное увидим и мы, и тогда, забыв общественность, собственное благо, веления добра и традиций, рискнем увязаться вслед за ними в те дебри, где они и поныне ищут разрыв-траву. Если правы материалисты, и все человеческое дело состоит в том, чтобы улучшить условия земного существования; если правы утверждающие, что боги любят добро, и мы должны следовать их приказам — вообще, если прав хоть кто-нибудь из философов и святых, указывающих тот или иной смысл человеческих ценностей, то дело Шестова — пропащее дело, почти безделье, ни для чего не нужные мечты о невозможном. Кому охота предполагать, что все ошибались, кроме маленькой кучки дерзких мыслителей, считавших, что их воля навсегда увела их от больших дорог истории?

Е.ЛУНДБЕРГ

**** Букв.: юмор висельника; перен.: юмор отчаяния (нем.).